

Пациент особой клиники

Автор:

[Себастьян Фитцек](#)

Пациент особой клиники

Себастьян Фитцек

Иностранный детектив

У Тилля Беркхоффа бесследно пропадает сын Макс. Все улики свидетельствуют о том, что мальчик стал жертвой маньяка Гвидо Трамница. Преступник арестован полицией и признался в похищении и убийстве нескольких маленьких детей. Место их захоронения серийный убийца указал, однако о судьбе Макса хранит упорное молчание. Суд признает садиста невменяемым и отправляет его в строго охраняемую психиатрическую лечебницу. Следствию известно о том, что психопат вел дневник, где описывал все, что сделал с жертвами, но найти записи не удалось. Отчаявшийся отец обращается за содействием к знакомому сотруднику полиции, и тот делает ему невероятное предложение: стать пациентом этой особой клиники. Так он сможет оказаться ближе к детоубийце и заставить его признаться. Того, чем обернется эта отчаянная попытка, не ожидал никто.

Себастьян Фитцек

Пациент особой клиники

Sebastian Fitzek

DER INSASSE

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Издается с разрешения AVA international GmbH, Germany

(www.ava-international.de (<http://www.ava-international.de/>))

Художественное оформление Е. Ю. Шурлаповой

Серия «Иностранный детектив»

Der Insasse

Copyright © 2018 by Verlagsgruppe Droemer

Knaur GmbH & Co. KG, Munich, Germany

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

В виденьях темноты ночной

Мне снились радости, что были,

Но грезы жизни, сон денной,

Мне сжали сердце – и разбили.

Эдгар Аллан По. Сон

Глава 1

«Почему здесь так холодно?» – подумала Мириам, войдя в тот ад, что представлял собой мрачный и лишенный окон подвал.

Его влажные кирпичные стены были покрыты черной плесенью и походили на бронхи больного раком легких курильщика.

– Осторожнее! Не заденьте головой! – предупредил полицейский.

Эти слова были произнесены им вовремя, и Мириам успела пригнуть голову, чтобы при переходе в котельную не удариться о канализационную трубу. И это притом, что ее рост составлял всего метр шестьдесят пять сантиметров, чего нельзя было сказать о внушительной фигуре Трамница.

Миловидный облик полицейского никак не соответствовал тому ужасному случаю, из-за которого они здесь оказались. У него были широкие плечи, высокий лоб и стройная, мускулистая фигура, как нельзя лучше подходившая для фотографии, достойной размещения на титульном листе календаря полиции Берлина. Однако тут, внизу, как ни старался он пригнуть голову под низкими подвальными сводами, в его светлые волосы вплелась паутина и его прическа в стиле «мне снова не удалось заснуть» покрылась пылью.

Домишко на краю Груневальда^[1] - Груневальд – административный район на западе германской столицы в составе округа Шарлоттенбург-Вильмерсдорф,

получивший свое название по одноименному лесному массиву. (Здесь и далее примеч. пер.)] был построен в двадцатых годах прошлого века и навел Мириам на мысль о том, что тогда, по-видимому, люди были меньшего роста.

«И не такие порочные, как последний житель этого дома. Или все же я ошибаюсь?» – подумала она.

Мириам проглотила образовавшийся в горле комок и попыталась вспомнить имя этого дружелюбного полицейского, который забрал ее из дому и привез сюда. Но не потому, что это было сколько-нибудь важно, а просто для того, чтобы отвлечь себя от одолевавших ее страшных дум. Однако в этом пропитанном запахом мочи, крови и страха подвале добиться безмятежных мыслей у нее не получилось.

Здесь пахло смертью!

Трамниц отодвинул в сторону красно-белую ленту, оставленную сотрудниками экспертного отдела, снимавшими отпечатки пальцев. Она была прикреплена крест-накрест в открытом дверном проеме и препятствовала проходу к месту преступления. Об этом говорила и надпись, сделанная черными буквами на трепещущих от сквозняка полосках.

«Не входить! Не смотреть!» – прочитала Мириам.

– Послушайте, – обратился к ней полицейский и нервно провел ладонью по выбритому затылку. – Вообще-то, мы не имеем права здесь находиться.

В свете тусклой лампочки, освещавшей помещение подвала, он выглядел так, словно страдал от желтухи. Мириам хотела было согласно кивнуть и промямлить что-то похожее на «Да, мы не имеем права, но нет, я должна это сделать...»

Однако ее усилия привели лишь к тому, что она заметно задрожала всем телом и пролепетала:

– И все же я хочу на это посмотреть.

Женщина сказала так, как будто речь шла о каком-то предмете, не решаясь назвать страшную действительность ее подлинным именем.

– Мне не хотелось бы превышать свои полномочия, ведь доступ к месту преступления еще не открыт, – ответил полицейский. – К тому же картина...

– Хуже, чем я себе это представляю, все равно быть не может, – едва слышно произнесла Мириам. – Пожалуйста, разрешите мне взглянуть хотя бы одним глазком.

– Ладно. Но будьте осторожны! – вновь предупредил свою спутницу полицейский и показал рукой на находившиеся перед ними ступени.

Под ее ногами, обутыми в кроссовки, жалобно заскрипели небольшие деревянные ступеньки, а затем Трамниц отогнул молочного цвета пластиковый лист, напоминавший занавес для душа и скрывавший за собой нечто вроде подвальной комнатухи, которую хозяин использовал, скорее всего, как помещение для переодевания. Бросались в глаза натянутый медный провод, где на вешалке аккуратно висела форма почтальона, и стоявшая возле входа тележка с посылками.

Эту клетушку необходимо было пройти, чтобы оказаться перед примыкавшей к ней противопожарной дверью, открывавшей доступ в ад. Мириам было страшно, но она решилась и воскликнула:

– Я готова!

В ответ Трамниц понимающе кивнул и часто заморгал, словно поднятая в спертom воздухе подвала от их дыхания пыль попала ему в глаза.

– Ваше подозрение подтвердилось, – заявил он.

«Великий Боже!» – испытывая страшную сухость во рту, подумала Мириам и схватилась рукой за горло, не в силах проглотить подступивший к нему ком.

Когда полиция в течение нескольких недель так и не смогла напасть на след ее пропавшей дочери, Мириам сама занялась поисками своей Лауры. Она еще раз

опросила всех соседей и сотрудников магазинов, располагавшихся вокруг детской площадки Швейцарского квартала[2 - Швейцарский квартал расположен в западной части района Лихтерфельде, относящегося к шестому административному округу Берлина Штеглиц-Целендорф.], где в последний раз видели девочку.

Несчастную мать насторожили слова одной пожилой женщины, страдавшей от старческого слабоумия, чьи показания полицией, по всей видимости, были восприняты как несерьезные: при разговоре она часто теряла ход мыслей, заговаривалась и погружалась в приятные воспоминания о своем прошлом. Как бы то ни было, именно эта старушка сказала, что видела в день похищения почтальона. Она вспомнила, что он вызвал у нее жалость, поскольку ему так и не удалось вручить многочисленным адресатам предназначенные для них посылки. Обойдя весь жилой квартал на улице Альтдорфер и не застав хозяев дома, он так и возвратился с полной тележкой к своему фургону. Рассказывая это, пожилая женщина постоянно ударялась в воспоминания, поскольку этот человек якобы напоминал ей ее племянника, что, естественно, сильно снижало доверие к показаниям старушки.

И все же именно она сообщила самые важные сведения!

- Он на самом деле маскировался под почтальона, - подтвердил Трамниц, от досады слегка стукнув ногой по стоявшей возле стены тележке с нагруженной на нее полутораметровой стопой посылок.

К удивлению Мириам, которое мгновенно сменилось ужасом, тележка, хотя полицейский до нее едва дотронулся, опрокинулась, и часть посылок упала на пол, обнажив скрывавшуюся под ними внушительных размеров полость.

- Это бутафория из папье-маше, - пояснил Трамниц. - В посылках на самом деле ничего нет, поскольку они только маскируют пустоту в данном сооружении.

Оказалось, что по высоте полость составляла около полутора метров, и ее размеры как раз позволяли спрятать семилетнего ребенка.

- Лаура, - простонала Мириам. - Моя девочка! Что он с ней сделал?

– Негодяй оглушил ее, спрятал в этом муляже и отвез к своему фургону. Поидемте дальше.

С этими словами Трамниц открыл сильными руками противопожарную дверь, на внешней стороне которой красовалась старая наклейка известной музыкальной фирмы «Sound & Drumland».

«Неужели монстр любил музыку? – подумала несчастная мать. – Как и моя Лаура!»

Мириам невольно вспомнила, как прошедшим летом они вместе с дочкой покупали детское пианино. В последние недели оно стояло в гостиной, и смотреть на него было невыносимо. Так же как и слушать тишину в квартире. Здесь же, в подвале, напротив, звуки отдавались очень громко. При входе в это квадратное помещение женщине даже показалось, что она слышит крики своей дочери как своеобразное эхо памяти, отражавшееся от мертвенно-серых стен и кафельного пола со стоком посередине, над которым болталась голая, окрашенная в белый цвет лампочка, дававшая, казалось, больше тени, чем света.

– Что это? – с трудом выдохнула Мириам, указывая на какой-то ящик, стоявший прямо перед ними у стены.

Трамниц поскреб выбритый затылок и посмотрел на странное сооружение, состоявшее из деревянного ящика на металлическом постаменте, напоминавшем секционный стол патологоанатома. Сам же ящик был сделан из коричневой прессованной древесины и имел длину около полутора метров и ширину примерно тридцать сантиметров. В обращенной к ним продольной стенке ящика были проделаны два круглых величиной с ракетку для настольного тенниса отверстия, располагавшиеся на расстоянии ладони друг от друга. Они, как и верхняя сторона ящика, оказались закрытыми непрозрачной пленкой, что не позволяло рассмотреть находящееся внутри.

– Это «инкубатор», – пояснил Трамниц.

При таких словах Мириам показалось, что в этом дьявольском помещении стало еще холоднее, и при мысли, что дыры предназначались для контакта с тем, кто скрывался внутри «инкубатора», ей стало нехорошо.

– Что он с ней сделал? Что этот негодяй сотворил с моим ребенком? – не глядя на Трамница, спросила она.

– Преступник много лет работал в отделении по выхаживанию недоношенных детей, пока его не уволили за непристойное поведение. Этого он вынести не смог и создал здесь, в подвале, свою собственную детскую станцию.

– Для чего?

Не дожидаясь ответа, Мириам сделала шаг по направлению к «инкубатору» и протянула к нему руку. Однако ее охватила такая сильная дрожь, что пальцы перестали слушаться. Ей показалось, будто от этого сооружения исходило магнитное поле, которое отталкивало руку тем сильнее, чем ближе она подходила к ящику, чтобы оторвать пленку.

Трамниц подошел к ней сзади, нежно коснулся ее плеч, кашлянул и спросил:

– Вы действительно этого хотите?

В ответ она, молча, кивнула, едва сдерживаясь, чтобы не закричать и не броситься прочь.

Тогда полицейский сорвал с «инкубатора» полиэтиленовую пленку, да так быстро, что Мириам не успела закрыть глаза. Представшая взору несчастной матери ужасная картина мгновенно врезалась в ее память, навсегда оставив в ней отметину, как это делает раскаленное железо на шкуре животных при постановке клейма.

– Лаура, – задыхаясь, выдохнула она.

Сомнений больше не оставалось. Несмотря на то что все тело девочки было покрыто наполнителем для кошачьего туалета, чтобы не дать распространиться зловонию, а возле ее широко открытых глаз уже копошились личинки, Мириам сразу же узнала свою дочь – по ямочке на подбородке, родимому пятну возле правой брови и заколке, как у принцессы Лилифи из мультфильма, не дававшей рассыпаться ее непослушной челке.

– Он заботился о ней, – произнес полицейский.

– Что вы сказали?

Душа несчастной матери, казалось, отделилась от тела и витала где-то очень далеко от этой ужасной действительности, затерявшись в пучине бесконечной боли. Слова полицейского донеслись до ее сознания словно из другого измерения и лишённые всякого смысла.

– Он давал ей пищу, лекарства, тепло. И любовь... – пояснил Трамниц.

– Любовь? – переспросила Мириам.

Ей показалось, что она ослышалась. Желая убедиться в том, что не сошла с ума, женщина повернулась к полицейскому и в недоумении посмотрела на него. Стоявшие в ее глазах слезы затуманили взор, и его симпатичное лицо расплылось, словно глядело на нее из-за занавеса тропического ливня. К ужасу Мириам, он начал издавать какие-то булькающие звуки, словно сдерживая смех, но тем не менее достаточно отчетливо произнес:

– Все оказалось гораздо лучше, чем я предполагал. Чего стоит одно только выражение вашего лица...

Тут Мириам показалось, что в этом мире осталась только она, тело ее несчастной Лауры и стоящий прямо перед ней дьявол.

«Вы не полицейский! Это были вы! Это вы похитили, мучили и убили моего ребенка!» – хотела было крикнуть Мириам, но не успела.

Эти слова так и не вырвались из ее рта, поскольку лезвие топора пришлось ей прямо между глаз. Последним, что она услышала в своей жизни, был треск в ушах. Этот наполненный болью треск оказался такой силы, словно сухие ветки деревьев одновременно стали ломаться в целом лесу. Но самое страшное заключалось в том, что его перекрывал отвратительный гомерический хохот.

Дьявольский смех издавал Гвидо Трамниц, нанося удар за ударом. Он бил топором снова и снова, до тех пор, пока все перед Мириам не покрылось черной

пеленой, провалилось куда-то в пустоту и исчезло.

Глава 2

Тилль Беркхофф

Ребенок задышался, и ему срочно требовалась помощь, но обритому наголо мужчине было все равно. Он поднял кулак, словно молот Тора, и с грохотом ударил им по капоту машины Тилля.

– Убери отсюда эту тачку! – заорал он. – Эта улица с односторонним движением!

– Нажимайте дальше. Три раза, как было обговорено. Вы справитесь, – сказал Тилль, только что вышедший из своей машины скорой помощи.

При этом он обращался не к стоявшему перед ним на дороге исполину в спортивном костюме, явно подобранном на три размера меньше, чтобы более рельефно подчеркнуть накачанные мускулы, а по телефону к матери ребенка, которая в своем стремлении провести вентиляцию легких от охватившей ее паники могла переусердствовать.

Экстренный вызов от женщины поступил пять минут назад, и с тех пор Тилль пытался дистанционно управлять ее действиями.

– Затем снова проводите искусственную вентиляцию легких методом «рот в рот». Мы скоро придем.

«Если нас наконец-то пропустит этот качок», – про себя добавил он.

От матери, пытавшейся спасти своего ребенка, их отделяло каких-то четыреста метров по прямой, и они решили сократить путь по улочке Айхкатцвег, чтобы объехать аварию на улице Айхампфштрассе. Однако из-за того, что какой-то идиот на своем внедорожнике никак не хотел уступать дорогу, на этой узкой улочке с односторонним движением их машина скорой помощи застряла. Для

того чтобы разъехаться, здесь не было даже тротуара. К тому же отморозок явно хотел заставить при помощи своих кулаков по праву сильного заставить машину скорой помощи сдать назад.

– Я говорю тебе последний раз, и если ты не уберешь свою колымагу с моей дороги, то услышишь другие хлопки. И это будут не аплодисменты! – заявил качок.

Посмотрев назад в сторону своей машины, в которой сидела тощая, как вяленая вобла, рыжеволосая девица, наносившая помаду на надутые силиконом губы, бритоголовый добавил:

– Немедленно проваливай! Я спешу!

Тилль глубоко вздохнул, опустил руку с телефоном и, обращаясь к громиле, проговорил:

– Послушай, красный крест тебе ни о чем не говорит? Ничего не напоминает?

При этом Тилль указал рукой на машину скорой помощи, на крыше которой вращались огни спецсигнала.

Громила, нагло ухмыляясь, промолчал, и тогда Тиллю пришлось уточнить свою мысль:

– Мне срочно необходимо попасть на улицу Дауэрвальдвег, и я точно не буду двигаться назад сквозь игольное ушко только для того, чтобы ты не опоздал в свой фитнес-клуб.

То, что прохожие жаловались, когда спецмашины останавливались на проезжей части во втором ряду, перекрывая движение, уже не было редкостью. Но то, что происходило сейчас, когда машину скорой помощи не только не пропускали, а требовали, чтобы она повернула назад, даже в условиях переполненного транспортом Берлина было чем-то новым. Хотя только накануне в Ланквиге Тилль обнаружил на ветровом стекле записку следующего содержания: «Вы не вправе портить наш воздух своими выхлопными газами только потому, что спасаете людей. В следующий раз заглушите мотор, пока будете вытаскивать

больных из дома!»

Мысль о том, что работающий двигатель поддерживает функционирование приборов жизнеобеспечения, необходимых, в частности, для спасения человека от инсульта, видимо, этим обеспокоенным и гневным гражданам в голову не приходила. А может быть, судьба больных людей их и вовсе не беспокоила? Так же как и этого громилу, которому, видимо, было наплевать на задохнувшегося ребенка.

– Алло! Вы меня слышите? – раздался в мобильнике Тилля испуганный голос матери малыша.

Увидев, что бритоголовый начал надвигаться на него, он только крепче прижал телефон к уху и ответил:

– Да, да. Я вас слышу. Продолжайте делать искусственное дыхание методом «рот в рот»!

– Она стала синеть! О небо! Мне кажется, что она, она...

– Давайте поступим так! Ты сдавай назад, а я побегу к ребенку один! – воскликнул сзади коллега Тилля Арам, который вышел из машины скорой помощи с чемоданчиком в руках.

– Вот, вот, послушай, что говорит тебе этот чурка, – расхохотался бритоголовый. – Давай, давай! Сдавай назад!

В этот момент, как и всегда, когда Тилль собирался отступить от правил, его мозг послал ему предупреждающий сигнал, выразившийся в покалывании пальцев рук. Тилль не знал, что именно явилось этому причиной. Может быть, оскорбление качком его коллеги, курда по происхождению, а может быть, просто желание дать отпор этому распоясавшемуся громиле. Ведь на кону была жизнь шестимесячного младенца!

В последний раз подобное покалывание в кончиках пальцев он почувствовал три недели назад, во время тушения пожара, когда его действия закончились для него дисциплинарным взысканием. Дело заключалось в том, что тогда Тилль был

еще пожарным, и не просто пожарным, а членом штурмовой группы, обербрандмейстером со специальной медицинской подготовкой для действий в экстремальных ситуациях.

«И все из-за этой чертовой кошки», – вспомнил Тилль.

Но что ему оставалось делать, если старая бабушка горько плакала и, рыдая, уверяла его, что Фельназе, так звали кошку, – это единственное, что у нее осталось. Пожалев старушку, он решил вернуться в пламя ее горячей двухъярусной квартиры. Но прямо перед тем, как броситься в огонь, как раз и почувствовал это покалывание в пальцах – предупреждающий сигнал о том, что он поступает вразрез с действующими правилами. И действительно, ситуация стала разворачиваться так, что создалась угроза жизни не только для него самого, но и для пришедшего ему на помощь товарища по команде. А все потому, что по вине Тилля действующие инструкции были нарушены.

В психологическом заключении, которое было сделано в его адрес, значилось: «Слишком импульсивное поведение, представляющее собой скрытую угрозу для коллег». Это и привело к переводу Тилля на новое место работы с понижением в должности. Его назначили санитаром скорой помощи на юго-западе Берлина. Однако ему вовсе не нравилось служить санитаром в этой аристократической части города, поскольку он чувствовал, что призван находиться на переднем крае пожарища с респиратором на лице и киркой в руках в каком-нибудь горящем здании.

Это если говорить по сути.

«На этот раз, – мысленно сказал он себе, – я к сигналу прислушаюсь».

Кроме того, ему не хотелось терять время на этого придурка, и ко всему прочему качок был явно из другой весовой категории. Не то чтобы Тилль был маленьким и неловким, но он обладал тренированным взглядом и сразу определял любителей уличных боев и спортсменов боевых искусств. А в этом отношении стоявший напротив него громила во много раз превосходил его самого.

– Хорошо, – вздохнул Тилль. – Тот, кто мудрее, всегда уступает.

Сопровождаемый смехом бритоголового, он взобрался на водительское кресло машины скорой помощи, и тут нервы у него окончательно сдали. Глядя на возвращавшегося с видом римского триумфатора громилу, Тилль дрожащими от ярости руками запустил двигатель, включил скорость и еще раз попытался обуздать свой гнев.

Но это у него не получилось. Тогда он подождал, пока идиот усядется в свой внедорожник, и нажал на педаль газа. Буквально через несколько мгновений машина скорой помощи въехала прямо в капот автомобиля громилы. Удар был не настолько сильным, чтобы сработали подушки безопасности, но так как качок еще не пристегнулся, то врезался лицом прямо в руль.

Рыжеволосая заорала так громко, что ее крик разнесся далеко по улице и слышался еще позже, преодолевая скрежет шин на асфальте и шум от падающих на дорогу осколков стекла, пластика и хрома, когда она вместе с машиной сдвигалась назад.

Чуть позже на левой стороне улицы показался проезд, и Тилль продолжал давить на газ, чтобы сдвинуть поврежденный внедорожник в сторону. При этом, правда, пострадали еще два припаркованных на дороге автомобиля, но путь наконец был открыт.

Тилль остановился, открыл водительскую дверь и быстро повернулся назад, к Араму, который в шоке стоял как столб на дороге возле полностью разрушенного внедорожника, не обращая внимания на пытавшегося выбраться из машины громилу. В голове у Тилля гудело, а из носа кровь ручьем текла по лицу.

– Сначала малышка! – крикнул он своему ошарашенному коллеге. – Нос может и подождать!

Глава 3

Восемь часов спустя

– Я хочу тебе кое-что показать, – чуть не плача, шепотом произнес Макс.

От этого Тилль весь сжался, потому что сынишка вновь подкрался к нему совершенно незаметно. Сделать это было несложно, ведь он, как всегда, оставил дверь в свой кабинет под крышей открытой, поскольку ненавидел запертые комнаты. Зато обожал своего шестилетнего сына, обладавшего удивительным даром бесшумно подниматься по лестнице.

– В чем дело, малыш?

Тилль закрыл ноутбук, на котором пытался изложить свою позицию в конфликте с громиллой, хотя его объяснения уже не имели никакого значения. Обстоятельства дела были ясны, и что еще он мог сказать следственной комиссии?

Да, он опять вляпался по самые уши. Да, его поведение снова было импульсивным и неконтролируемым. На этот раз имелись даже свидетели того, как он вышел из себя и сломал гражданину нос, не говоря уже о повреждении кузовов целых четырех автомашин, ущерб от чего превысил сотни тысяч евро. Он не должен был использовать свою машину скорой помощи как танк, чтобы своевременно прибыть на место вызова. Ну а то обстоятельство, что через несколько минут ему удалось спасти жизнь ребенка, не играло особой роли и носило второстепенный характер. Было совершенно очевидно, что Тилля с треском выгонят с работы, самое позднее тогда, когда пресса раструбит о происшествии, изобразив его в качестве безумного санитаря-психопата.

– Я закончил «Тысячелетнего сокола», – ответил Макс, неся, словно священную реликвию, собранный серый макет космического корабля производства компании «Лего».

– Выглядит просто потрясающе, – похвалил сына Тилль, одновременно спрашивая себя, насколько было педагогичным разрешить шестилетнему Максиму собрать макет космического корабля из «Звездных войн», оснащенного лазерными пушками.

«Наверное, я совершил глупость, – подумал он. – На коробке ведь четко было написано, что игрушка предназначена для детей в возрасте от девяти лет».

При этом Тиллю было хорошо известно, что зачастую возрастные показатели брались с потолка.

– Когда мы не можем определить возраст, для которого предназначено изделие, то специально завышаем планку, чтобы родители, давая игрушку раньше указанной на коробке возрастной категории, думали, что в их доме подрастает настоящий маленький гений, – разоткровенничался как-то раз один разработчик детских игрушек, на складе у которого они тушили пожар.

– Я вижу Хана Соло. А это у нас кто? Чубакка? У тебя в кабине пилота сидит даже Скайуокер. Как здорово! Все сделано просто великолепно! Чего же ты плачешь?

Макс поднял голову, зашмыгал носом, помялся немного, а потом заявил:

– Мама!

– Что мама?

– Она сказала, что я не могу.

– Чего ты не можешь?

– Показать это ей.

В ответ Тилль улыбнулся и провел рукой по густым каштановым волосам сынишки, которые тот унаследовал от своей матери Рикарды. От нее ему достались также пухлые губы и длинные ресницы. И тем не менее абсолютное большинство их знакомых утверждали, что сын как две капли воды похож на своего отца, что, вероятно, можно было объяснить его большими карими глазами, которые даже при улыбке придавали лицу мальчика несколько грустное выражение.

– Под «ей» ты подразумеваешь Анну? – уточнил Тилль, бросив короткий взгляд на окно, через которое виднелись огромные снежные шапки на крышах соседних домов, образовавшиеся в результате ночного снегопада, налетевшего со стороны Буккова.

Говоря об Анне, Тилль имел в виду соседку. Первая любовь Макса и на самом деле была очень хороша собой. Да к тому же умной и вежливой. В общем, эта милая соседка могла бы быть идеальной невестой, если бы не одно маленькое обстоятельство – разница в возрасте. Дело заключалось в том, что Анне уже исполнилось семнадцать, и она готовилась к сдаче выпускных экзаменов в школе, тогда как Макс еще ходил в первый класс и мечтал стать пожарным, как и его отец.

Тем не менее Анна подыгрывала Макс, стараясь не обижать мальчика, позволяла себя обнимать, когда он томно смотрел на нее, и даже отвечала на его неуклюжие любовные письма. Встречая Тилля, девушка, чтобы не разбить сердечко своего маленького ухажера, с улыбкой бросала:

– Привет, свекор!

От Макса Анна скрывала, что молодой человек, который время от времени забирал ее на мотоцикле, был ее парнем.

– Анна у себя? – спросил Тилль.

В ответ Макс кивнул.

– И мама сказала тебе, чтобы ты к ней не ходил?

– Да, но я ведь всего лишь хотел заскочить на минутку, чтобы показать ей «Тысячелетнего сокола».

– Гм, понимаю. Анна наверняка обрадуется, – заметил Тилль, размышляя, как выкрутиться из сложившейся ситуации, не навлекая на себя неприятности со стороны жены.

На сегодняшний день весь его лимит на ссоры был уже исчерпан. После всего, что сегодня произошло, Тилль хотел спокойствия и поэтому решил избрать золотую середину, что на самом деле являлось не более чем сомнительным компромиссом.

– Хорошо, малыш, предлагаю сделку. Ты чистишь кошачий туалет, а взамен получаешь возможность ненадолго заглянуть к Анне и показать ей своего «Тысячелетнего сокола». Ну как, согласен?

Макс кивнул, а Тилль вытер слезы у него на щеках, ласково шлепнул сынишку по попке и сказал:

– И скажи маме, что я сейчас спущусь и поговорю с ней.

При этом Тилль тяжело вздохнул, ведь по опыту он знал, что Рикарда после всего этого не будет с ним разговаривать по меньшей мере час. Так было всегда, когда он нарушал установленные ею правила воспитания.

Желая спокойствия, он хотел слишком многого!

Конечно, у жены имелись веские причины, по которым она не хотела, чтобы с наступлением темноты Макс выходил на улицу. Даже в этом случае, когда речь шла всего лишь о том, чтобы добежать до дома Анны, располагавшегося в каких-то двух шагах за углом.

– Он уже сейчас играет на наших разных подходах в воспитании. А что будет дальше? – периодически упрекала мужа Рикарда.

И она была права. Тилль просто не мог отмахнуться от своего сына, особенно тогда, когда тот, плача, стоял рядом и смотрел на него глазами побитого щенка. Иногда он даже думал, что Рикарда настояла на рождении дочери Эмилии только для того, чтобы Макс не был единственным ребенком в семье, которого отец мог бы окончательно избаловать.

– Да, Макс, чуть не забыл!

При этих словах мальчуган, стоя на верхней ступеньке, повернулся к отцу со страхом в глазах, боясь, что тот может отменить достигнутую договоренность.

– Что, пап?

– Как звучит кодовое слово?

Глава 4

Макс

«Кубик льда», – твердил про себя Макс, крепко держа в руках модель космического корабля.

С этой мыслью мальчуган вышел на улицу в холод, который идеально подходил для кодового слова, которое они вместе с отцом придумали прошлым летом. К этому их сподвиг один полицейский, который пришел в детский сад и предупредил всех о том, что в мире существуют злые дяди, желающие причинить вред маленьким детям. Этот блюститель порядка порекомендовал, чтобы родители и дети вместе придумали кодовое слово, о котором знала бы только семья.

Папе эта идея понравилась, и они снова и снова тренировались, чтобы кодовое слово четко врезалось в память, используя для этого любой удобный случай, – прогулки по лесу, поездки на машине и даже ожидание автобуса. Отец с сыном даже на практике проиграли ту ситуацию, рассказом о которой полицейский так сильно напугал Макса.

– Как ты поступишь, если незнакомый человек скажет тебе, чтобы ты пошел вместе с ним, пообещав угостить сладостями или показать милую зверюшку?

– Я отвечу отказом.

– А если он скажет, что родители это разрешили?

– Тогда я спрошу у него кодовое слово.

– А как называется наше кодовое слово?

– Кубик льда.

– Хорошо. А если человек не знает слова, что это означает?

– То, что вы его не посылали и ничего мне не разрешали.

– И что ты сделаешь?

– Тогда я громко закричу «На помощь!» и убегу.

«Кубик льда», – мысленно проговорил про себя Макс, осторожно спускаясь по ступенькам парадной лестницы в палисадник.

Утром папа короткий путь от дома к забору посыпал песком, но целый день шел снег, а Макс ни в коем случае нельзя было поскользнуться – от этого в модели космического корабля могло что-нибудь сдвинуться или вовсе сломаться.

Он уже предвкушал, как обрадуется Анна, когда увидит это творение. Она наверняка начнет его тискать, как всегда делала при встрече, обдавая своим приятным запахом. От нее пахло персиком, но это не было ароматом от средства для мытья волос. Ее благоухание определенно отличалось от запаха, исходившего от зеленого геля для душа марки «Дино», которым его всегда намыливала мама.

Сконцентрировавшись на том, чтобы не поскользнуться, и не выпуская из виду ворота, он осторожно открыл ногой калитку, а затем, уставившись на модель космического корабля, медленно пошел вперед. Однако Макс чуть было не уронил драгоценную ношу – так сильно напугал его чей-то незнакомый голос.

– Эй, малыш! – окликнул его мужчина, стоявший под старым фонарем, который, как и другие, в ту же секунду, словно по команде, зажегся, осветив эту небольшую, мощенную булыжником улицу.

– Да?

– Не подскажешь, где тут дом под номером шестьдесят пять?

Максу вовсе не хотелось задерживаться на своем пути к Анне, а кроме того, с каждой секундой становилось все холоднее и холоднее. Сам не ожидая от себя

такого, он внезапно задал незнакомцу вопрос:

– Какое кодовое слово?

– Не понял, – удивился мужчина и посмотрел на Макса так, как будто тот разговаривал с ним на тайном языке, придуманном в игре вместе с лучшим другом Антоном.

– Не важно, – немного подумав, ответил Макс, решив все же помочь незнакомцу. – Как вы сказали? Дом номер шестьдесят пять?

Мужчина начал приближаться, но малыш не испугался. Да и чего было бояться? В конце концов, неизвестный не просил его идти вместе с ним, да и правила применения кодового слова вряд ли подходили к этой ситуации. Ведь перед ним стоял человек в форме почтальона, тянувшего по снегу тачку, доверху нагруженную почтовыми посылками.

Глава 5

Год спустя

Тилль

Ни единого звука! Никаких шагов! Ни малейшего постукивания! Ничего!

Тилль Беркхофф вообще не понял, как брат жены столь бесшумно подошел к двери. Ведь Оливер Скания вовсе не был эльфом, способным легко, словно перышко, витать над землей. Обычно этот тучный комиссар по уголовным делам, весивший никак не меньше ста двадцати килограммов, привлекал к себе внимание уже одним только своим грузным топотом при движении. И не важно, было ли это связано с его появлением на месте преступления, или входом в комнату для допросов, или, как сейчас, прибытием с частным визитом.

Собственно, удивляться тут особо было нечему. Ведь в гостиной раздавался голос убеленного сединами диктора телевидения, который орал так громко, что в саду мог бы запросто приземлиться вертолет, и Тилль этого бы не услышал.

«– В эти минуты серийного убийцу Гвидо Трамница спустя всего десять месяцев после ареста по неизвестным до сих пор причинам переводят в отделение интенсивных методов лечения судебной психологии», – раздавался голос из телевизора.

Тилль включил громкость телевизора почти на полную мощность, чтобы не пропустить ни единого слова диктора, который комментировал ужасающие фотографии. При этом интонации говорившего были наполнены фальшивыми и самовлюбленными драматическими нотками, которые Беркхофф так ненавидел у ведущих.

«– В январе Трамниц был уличен в убийстве семилетней Лауры и ее матери Мириам Ш., а затем убийца привел следователей к месту нахождения еще одного трупа – шестилетнего Андреаса К.», – вещал диктор.

На экране телевизора одна за другой сменялись фотографии с места преступления, на которых были запечатлены и грязный подвал, и грубо сколоченный деревянный ящик, напоминавший детский саркофаг, и лица двух школьников, убитых серийным убийцей. Затем появился снимок, который немедленно превратил Гвидо Трамница в настоящую поп-звезду. Фотография была сделана одним папарацци сразу после ареста убийцы, когда Трамниц уже сидел в полицейской машине и улыбался прямо в объектив.

С фотографии смотрел симпатичный, как фотомоделль, человек с открытой улыбкой и голубыми глазами невинного новорожденного младенца.

– В суде так называемый «зверь-инкубаторщик» вследствие тяжелого шизофренического расстройства признан невменяемым, то есть человеком, не осознающим свои поступки. Трамниц был убежден, что злые силы внедрили ему в мозг некий предмет, посредством которого руководили его действиями.

Всего после трех дней судебного разбирательства с соблюдением самых строгих охранных мер его перевели в так называемую «Каменную клинику», психиатрическую больницу повышенного уровня безопасности, расположенную

в берлинском районе Тегель. Судя по всему, в настоящее время Трамниц находится на грани жизни и смерти, и сегодня ему предстоит операция.

– Надеюсь, что сокамерники избили эту свинью так, что он дерьмом изошел, – пробормотал Скания.

Между тем на экране телевизора появилось изображение клиники и, по-видимому, лечащего врача Трамница, который на вопросы журналистов о состоянии здоровья его пациента лишь неопределенно покачал головой и поспешил удалиться. В титрах, сопровождавших кадры, можно было прочитать: «Доктор медицины Х. Фридер, хирург».

Комментировавший эти кадры диктор пояснил:

«– Поскольку психически больные преступники могут себе наносить увечья, то в отделении интенсивных методов лечения и травматологии «Каменной клиники» для таких экстренных ситуаций имеется все необходимое оборудование. В некоторых случаях психозы заключенных в клинике требуют хирургического вмешательства в мозг. Относится ли это также к случаю с Гвидо Трамницем, доктор Хартмут Фридер проинформировать нас отказался».

Фамилия хирурга Тиллю показалась знакомой. Он вспомнил, что однажды уже встречался с этим врачом, когда доставлял пострадавшего при пожаре пациента в клинику Вирхов. Потом от медсестер стало известно, что Фридер, находясь в состоянии алкогольного опьянения, допустил врачебную ошибку, приведшую к гибели больного. Но до суда дело так и не дошло. Видимо, члены семьи погибшего договорились с руководством больницы, удовлетворившись значительной денежной суммой. С тех пор Фридер работал врачом частной практики и, судя по всему, в экстренных случаях привлекался «Каменной клиникой» в качестве хирурга.

– Ты не должен смотреть это, – снимая куртку, сказал Скания.

Тиль посмотрел на наплечную кобуру с табельным оружием, перетягивавшую мощную грудь его шурина, а затем снова перевел взгляд на экран телевизора, убавив, правда, при этом звук.

«– Уголовное дело Гвидо Трамница не только привлекло внимание журналистов, уже придумавших броские заголовки ввиду неопишуемой жестокости совершенных им убийств, но и по-прежнему остается предметом дальнейших разбирательств криминалистов. Они считают, что маньяк-психопат совершил как минимум еще одно убийство ребенка. Однако поскольку по совету своего адвоката Трамниц хранит молчание, то другие его преступления раскрыть, возможно, никогда не удастся».

В этот момент Тилль вздрогнул всем телом, поскольку на экране телевизора появилось изображение человека, показавшегося ему до боли знакомым и одновременно чужим, – он увидел себя.

Репортер подкараулил Тилля возле его дома, и он уже не мог точно вспомнить, какой именно исключительный случай привел к нему этого назойливого журналиста, задававшего бестактные и приносящие душевные муки вопросы.

«– Господин Беркхофф, – спрашивал он. – Вы считаете, что ваш сын Макс тоже на совести Гвидо Трамница? Как, по-вашему, он признается в убийстве вашего сына? Что бы вы сделали с обвиняемым, если бы у вас была такая возможность?»

Последний вопрос явно намекал на появившееся в прессе сообщение о том, что из-за своей «импульсивной и неуправляемой натуры» Тилль потерял работу.

Именно Тилль Беркхофф оказался первым подозреваемым, когда пропал Макс. Не для полиции, конечно, а для журналистов, которые быстро раскопали в его личном деле и протоколах по дисциплинарному производству записи о его скрытой склонности к проявлению актов насилия и готовности идти на неоправданный риск. А когда бритоголовый из раскуроченного Тиллем внедорожника за соответствующий гонорар принялся давать каждой газетенке интервью о том, что Беркхофф якобы хотел убить его при помощи своей машины скорой помощи, репортеры ринулись в детский садик, который когда-то посещал Макс, и стали задавать вопросы о том, не появлялся ли малыш там ранее с какими-либо необычными травмами. Причем некоторые журналисты напрямую спрашивали персонал, не замечали ли сотрудники случаев избиения Тиллем своего сына.

Беркхофф с негодованием выключил телевизор, но ужасающие картины происшедшего из головы несчастного отца не исчезали. Перед его глазами по-

прежнему стояла пустынная улица и занесенная снегом булыжная мостовая.

И то, что он тогда увидел!

А увидел Тилль разбросанные на снегу детали макета космического корабля. Эта картина навсегда врезалась в память несчастного отца. Все произошедшее сделало его жизнь невыносимой.

Когда малыш не вернулся домой, они бросились к Анне и узнали, что мальчик у нее не появлялся. Испуганные до смерти родители нашли от конструктора лишь отдельные детали. Потом сыщики в поисках улик собрали практически все части модели и в лаборатории восстановили ее, чтобы проверить, не прихватил ли преступник с собой наряду с Максом еще что-нибудь. В результате действительно оказалось, что отсутствовала еще одна деталь.

Не хватало фигурки Люка Скайуокера.

Она пропала так же бесследно, как и сын Тилля.

Между прочим, Рикарда тоже исчезла из жизни Тилля, совершенно справедливо обвиняя его в причастности к произошедшей трагедии, хотя она напрямую ни разу и не произнесла те самые слова, которые на протяжении прошедших двенадцати месяцев каждый день мучили Беркхоффа. А слова эти были следующие:

«Если бы ты не разрешил ему пойти к Анне, то ничего бы не случилось».

Тилль встал и отряхнулся, словно мокрый пес, но воспоминания так и не исчезли. Не исчез и незваный гость, которого явно не беспокоило то обстоятельство, что Беркхофф с самого момента его появления не обращал на него никакого внимания.

– Что ты здесь забыл? – наконец довольно грубо спросил Тилль.

Однако на это Скания тоже никак не отреагировал. Вероятно, за многие годы работы в полиции он привык к тому, что близкие родственники жертв выплескивают свой гнев и отчаяние на следователей. А может быть, Оливер

считал своим семейным долгом поддержать Тилля, хотя развод Беркхоффа с его сестрой оставался лишь вопросом времени. Рикарда уже переехала в другое место и, естественно, забрала сестренку Макса с собой.

- Послушай, кое-что начало проясняться, но... – опустив голову, произнес Скания.

При этом складки его двойного подбородка обозначились еще резче. Чувствовалось, что он никак не решался закончить начатую фразу.

- Что «но»? Договаривай!

- Они окончательно прекратили поиски Макса.

Глава 6

Тилль провел рукой по своим давно не мытым жирным волосам. Полдень уже давно миновал, а он все еще оставался в пижаме.

- Как такое может быть? Ведь мой сын числится пропавшим всего год!

- Это верно, – согласно кивнул шурин. – Но они уверены, что преступником является Трамниц. Район совершения преступления и особенности способа похищения – все однозначно указывает на то, что твоего сына похитил именно он. Ты знаешь, как у нас все происходит. Думаешь, мне самому это нравится? Но искать преступника, уже находящегося под стражей, которому и так обеспечено пожизненное заключение, не имеет смысла. Мы знаем, что это был он.

При таком заявлении Тилль почувствовал себя так, как будто воздух из гостиной куда-то испарился, и ему нечем стало дышать. От безысходности, веявшей от слов Оливера, он начал задыхаться.

- Но вы не знаете, где Макс! Вы должны искать дальше! – глухо возразил Тилль.

- Поверь мне, если бы это зависело от меня, то все было бы по-другому. Я бы перевернул каждый камень в этом городе и продолжал до тех пор, пока мы не нашли его. И меня не остановило бы ни отсутствие финансирования, ни нехватка персонала.

Оливер Скания на секунду замолчал, а потом добавил:

- Ты же знаешь, почему я официально не принимаю участия в этом деле.

- Понятно.

Тиллю было известно, что Оливера не допустили до расследования из-за того, что он приходился братом матери похищенного мальчика. Такое обстоятельство могло помешать объективности ведения дела. Но это вовсе не означало, что коллеги не допускали его до поступавшей информации. Поэтому Беркхофф заявил:

- Вы не должны прекращать поиски Макса. Мне необходимо знать, что произошло с моим мальчиком!

- Ты и так знаешь, что с ним приключилось, - ответил Скания.

И это было правдой. Он действительно знал!

Тилль провел рукой по своей многодневной щетине, ведь он не брился уже две недели. К тому же с тех пор, как ушла Рикарда, у него вообще пропало желание раздеваться на ночь и одеваться по утрам. День проходил за днем, и все они были похожи как две капли воды. Что бы Тилль ни делал, образ сынишки не выходил у него из головы. Сгорая от тоски и отчаяния, он постоянно думал о нем и днем, слоняясь по пустому дому, и ночью, мучаясь от бессонницы.

- Тебе известна судьба других детей, - мягко проговорил Скания.

И это тоже являлось правдой. Он действительно знал! Ему было известно, что произошло с девочкой семи и мальчиком шести лет. Их обоих Трамниц выкрал, когда они играли в палисадниках своих домов. Замаскировавшись под разносчика посылок, он оглушил детей, привез их в подвал своего дома и

поместил в «инкубатор», который сам и смастерил. Там этот монстр надругался над ними и замучил до смерти. Более сорока восьми часов его зверских издевательств не выдерживал ни один ребенок. Макс пропал уже год назад как раз в то время, когда соседи заметили на дороге фургон и почтальона с тележкой, доверху загруженной посылками.

Чуть позже этого маньяка арестовали. Нашли и тело Мириам Шмидт, матери похищенной Лауры, которая в своем частном расследовании слишком близко подобралась к Трамницу. Она, воспитывавшая свою дочку в одиночку, и не подозревала, что убийца все время после совершения преступления не выпускал ее из поля зрения. И делал он это, похоже, для того, чтобы насладиться ее страданиями.

При аресте Трамница в его квартире полицейские нашли много фотографий и видеозаписей с Мириам, на которых было запечатлено, как она расклеивала объявления с фото своей дочери или прочесывала улицы, на которых видели ее девочку в последний раз. Ее предположения о том, что преступник замаскировал себя в качестве доставщика или почтальона, оказались точными, и поэтому Трамниц решил убрать женщину, прежде чем она обратилась бы в полицию. Действия монстра, пытавшегося избавиться от тела в лодочном сарае возле Тельтов-канала, увидели случайно. Вот и получилось, что даже после смерти Мириам все же удалось навести полицейских на след убийцы своей дочери и как минимум еще одного ребенка. Под давлением полиции Трамниц привел следователей к месту, где спрятал трупы Лауры и шестилетнего мальчика из берлинского района Панков. Вот только о судьбе Макса он молчал.

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – заявил Тилль и проскользнул мимо шурина в ванную комнату.

Там он открыл нижний шкафчик и взял баллончик с освежителем воздуха.

– «Фебрезе»? – растерянно произнес Скания название известного бренда такого рода продукции.

– Это спрей от монстров, – ответил Тилль, озадачив своего шурина еще больше.

Увидев явное недоумение на лице Оливера, Беркхофф принялся пояснять:

– Прошло уже полтора года с тех пор, как я совершил одну ошибку. Тогда я рассказал Максусу на ночь жуткую сказку. Он сам настоял на этом, поскольку посмотрел мультфильм «Ваяна» и начал страшно бояться Те Ка, демона лавы. Вот Макс и захотел, чтобы я тоже поведал ему какую-нибудь страшную историю. Теперь я знаю, что мне не стоило рассказывать ему про монстра с зелеными глазами, который живет в шкафу. Малыш настолько перепугался, что стал каждую ночь приходить к нам в постель. И так продолжалось до тех пор, пока я не заявил ему, что купил в магазине призраков специальный спрей против монстров.

С этими словами Тилль потряс баллончиком с освежителем воздуха с забавным названием «Спокойной ночи. Лаванда».

– Я сказал ему, что если распылить это средство в шкафу и на кровать, то монстр уснет, и Максусу ничего больше угрожать не будет. И малыш поверил.

Слезы покатались из глаз несчастного отца, и он, не стесняясь своих чувств, продолжил:

– С тех пор я каждый вечер распылял это средство в его комнате, и больше по ночам он не просыпался и не приходил к нам в постель. Макс стал спать спокойно и больше не боялся.

– Тилль!

– Ты думаешь, что он тоже спросил своего похитителя насчет спрея? – поинтересовался Беркхофф.

Он на мгновение замолчал, не в силах справиться с подступившими рыданиями, но потом смахнул набежавшие слезы и продолжил:

– Знаешь, теперь я всякий раз лежу с открытыми глазами, таращусь в потолок, и мне кажется, что до меня доносится голос Макса, который просит принести ему спрей, так как ему очень страшно. Но нет никого, кто бы смог передать баллончик малышу. Там нет спрея, зато есть монстр...

– Макс мертв! – громко воскликнул Скания.

– Я знаю! – ответил Тилль и бросил баллончик прямо в зеркало, на поверхности которого не появилось ни одной трещинки.

Это походило на чудо.

– Я знаю, что он мертв, – повторил Тилль, и с каждым словом его голос становился все громче и громче, пока он не начал кричать на своего шурина: – Но я должен увидеть его тело! Я должен похоронить Макса, разве ты не понимаешь? Мне надо убедиться в том, что он мертв, собственными глазами!

С этими словами он бросился прочь из ванной комнаты, и Скания поспешил вслед за ним, говоря на ходу:

– Конечно, я все понимаю и хочу этого так же, как ты. И Рикарда!

– Твоя сестра бросила меня и ушла вместе с Эмилией.

Скания сочувственно посмотрел на Тилля, профессионально измерив его взглядом сверху донизу, и тяжело вздохнул:

– Я знаю. Она сказала мне. Однако ответь честно: ты удивлен ее поступком? Посмотри на себя! На кого ты стал похож? Ты опускаешься! И вид у тебя стал каким-то потасканным. Ты не хочешь смотреть правде в глаза!

– А что является правдой?

Тут его шурин поднял вверх обе руки, и Тилль увидел под мышками Скании большие пятна от пота.

– Если этот ублюдок не говорит нам, где мы можем найти Макса...

Тут Оливер закашлялся, словно у него сильно запершило в горле, а потом все-таки продолжил:

– Я имею в виду, что ты знаешь, как это произошло с другими детьми. Ты ведь читал отчеты полицейских репортеров, из которых ясно следует, что если бы этот монстр не привел нас к месту, где он спрятал трупы, то мы никогда бы их

не нашли – так хорошо Трамниц закопал свои жертвы. В недрах старой свалки и так глубоко, что даже собаки, питающиеся падалью, не смогли бы откопать их. Но с тех пор, пока он находится под стражей...

– Он больше не разговаривает. Не произносит ни звука. Молчит, – перебил его Тилль и закрыл глаза.

После первого сделанного им признания Трамниц по совету своей адвокатши замолчал, поставив таким образом Тилля в самое худшее положение – пребывать в неизвестности о судьбе своего сына. Но так как Германия являлась правовым государством, даже одна только угроза применения пыток при допросе могла привести дознавателей к серьезному наказанию. И было совсем не важно, что речь шла о настоящем монстре. В результате любая возможность силой заставить этого зверя заговорить исключалась.

Любая, кроме...

В этот момент в голову Тилля пришла одна мысль. Она являлась настолько абсурдной, что ее трудно было выразить словами. Тем не менее эта мысль впервые за долгое время подняла ему настроение.

– Что бы вы сделали с обвиняемым, если бы у вас появилась такая возможность? Насколько вы уверены, что мой сын на совести именно Трамница? – спросил Тилль.

– До недавнего времени наше предположение составляло девяносто девять процентов, но час назад у нас появилась стопроцентная уверенность, – ответил Скания.

– Почему?

– Следствию удалось кое-что найти. Собственно, поэтому я и пришел.

Тиллю стало плохо. У него закружилась голова, и, чтобы не упасть, он вынужден был опереться на стул, стоявший перед телевизором.

– Что? – с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, спросил несчастный отец. – Что вы нашли?

Каждое слово стоило ему невероятных усилий. В ответ Скания раскрыл ладонь своей мощной руки, но Тилль сначала ничего не смог распознать в пробивавшихся сквозь жалюзи лучиках света, в которых играли частички пыли. Он стоял столь неудачно, что эти лучи буквально слепили его, но потом, приглядевшись, несчастный отец увидел это.

В руках Скания держал маленький белый предмет, и он был... из пластика!

– Люк Скайуокер, – прошептал Тилль и отшатнулся, словно фигурка из конструктора на ладони Скании могла взорваться. – Где его нашли?

– На тумбочке Трамница, когда его доставляли в операционную. Эта свинья, находясь в психушке, выставила свой трофей на всеобщее обозрение. А кроме того, есть и еще кое-что.

– Еще одно доказательство?

– Возможно.

При этих словах складки кожи под подбородком Скании обозначились еще резче. Немного помолчав, он добавил:

– Ходят слухи. «Тюремное радио», так сказать.

– И что это за слухи?

– О том, что Трамниц якобы похвалялся, что в клинике начал вести дневник, в котором он описывает свои преступления.

Фридер

– Фридер? – раздался голос в мобильнике хирурга.

Услышав свою фамилию, произнесенную человеком, звонившим с незнакомого номера, врач, сидя за письменным столом, с раздражением откинулся на спинку стула. Он только что собирался встать, чтобы покинуть предоставленный ему кабинет, и направиться в операционную «Каменной клиники».

– Мне очень неловко, что приходится вас беспокоить, – отчетливо проговорил незнакомец.

И тем не менее его голос звучал как-то отдаленно, грозя утонуть в монотонном шуме бушевавшего за окнами кабинета ливня. Здесь, на втором этаже клиники, порывы ветра, попадая в вентиляционные и лифтовые шахты, производили звуки, напоминавшие завывания насмерть перепуганной собаки.

– С кем я говорю? – нетерпеливо уточнил Фридер.

– Меня зовут Тилль Беркхофф. Я отец Макса.

«О боже!» – подумал Фридер, невольно сделав глотательное движение и неосознанно кивнув.

Теперь он понял, с кем разговаривает и чего желает от него этот несчастный человек. Сердце у врача непроизвольно забилося сильнее. Пульс у Фридера участился, и его бросило в жар.

– Как вы узнали мой номер? – спросил он.

– У меня, как бывшего брандмейстера, все еще сохранились хорошие связи с нужными людьми.

Фридер схватился за воротник и ослабил верхнюю пуговицу на своей розовой рубашке поло. Розовый был любимым цветом хирурга, поскольку Хартмут считал, что он хорошо подходит к его загорелому лицу. Не зря же ему часами приходилось лежать в солярии.

– Послушайте, – сказал он. – Я не имею права говорить с вами о моих пациентах.

– А я и не собираюсь говорить о них. Мне надо, чтобы вы кое-что для меня сделали.

В голосе звонившего человека ощущалась переполнявшая его ярость, и Фридеру сразу стало ясно, что именно подразумевал Беркхофф под этими словами. Он мог бы сказать и иначе, приблизительно так: «устранить проблему», «помочь восторжествовать справедливости» или «сэкономить много денег налогоплательщиков».

– Вы наш разговор записываете? – поинтересовался Фри-дер и потушил настольную лампу.

Ему действительно пора было отправляться в операционную и начинать подготовку к операции.

– Речь идет о моем сыне, – зло прошипел Беркхофф, внезапно обратив свой гнев непосредственно на Фридера.

– Прошу прощения, я не это имел в виду. Просто, просто так... – Он немного замялся. – Я и представить себе не могу, чего вы от меня хотите, – произнес хирург и подумал: «Хотя его можно понять. Мне тоже хотелось бы, чтобы человек, похитивший и убивший моего сына, закончил свою жизнь в страшных мучениях».

Ход его мыслей прервал жесткий голос Беркхоффа:

– Неправда! Все вы знаете!

– Нет! – Руки у Фридера начали подрагивать. – Я не могу и не хочу убивать человека!

Он сознательно произнес это достаточно громко и как можно честнее на тот случай, если Беркхофф все же производил запись их разговора. Однако, к его удивлению, Тилль произнес совсем не то, чего он ожидал:

- А вам и не надо этого делать.

- Чего же вы хотите?

В телефоне послышалось сопение. Беркхофф коротко извинился, прочистил нос и заявил:

- Я прошу вас сделать совершенно противоположное.

- Не понял.

- Я прошу, нет, умоляю вас сделать все возможное, чтобы Гвидо Трамниц выкарабкался. Ему необходимо пережить операцию, понимаете? Ведь он единственный, кто знает, что случилось с моим сыном. Трамниц должен раскрыть свой секрет, а не уносить его с собой в могилу.

- Хорошо, хорошо, - тронутый такими словами, ответил Фридер. - Я сделаю все, что смогу.

Высказанная эмоционально и довольно неожиданная, но вполне понятная просьба несчастного отца действительно тронула его за душу. Когда он закончил разговор, пальцы у него дрожали так сильно, что сразу стало ясно: у хирурга не оставалось иного выбора. Чтобы успокоиться, Фридер выдвинул ящик своего письменного стола и сделал глоток. Небольшой, всего двадцать миллилитров.

Глава 8

Тилль

- «П-пациент»? - удивился Скания.

- Да!

- Никогда не слышал о таких. Что означает буква «П»?

- «П» - начальная буква слова «прикрытие». Я хочу, чтобы ты внедрил меня в клинику.

- К Трамницу?

- Совершенно верно. Как заключенного.

С этими словами Тилль, которому разговор, все более приобретающий характер допроса, начал действовать на нервы, отвернулся от шурина и посмотрел в окно. В это время, несмотря на моросивший осенний дождь, порыв ветра подхватил с тротуара пластиковый пакет, поднял его в воздух и бросил на ветку плакучей ивы, где он и остался трепетать, словно последний обрывок разорванного в клочья паруса.

В саду не показывалось ни одно живое существо - птицы и белки попрятались, что при таком «вселенском потопе» было неудивительно. И все же Тилль с несказанно большим удовольствием отдался бы во власть стихии, чем в бесцельном ожидании сидеть в теплой комнате. За его спиной периодически раздавалось сухое покашливание Оливера, и это все больше стало раздражать Беркхоффа. С тех пор как он вернулся из ванной, шурин, словно опекая его, не переставал говорить с ним покровительственным тоном. Вот и опять Скания потечески поправил его:

- Хорошо, хотя в полицейском лексиконе термин «п-пациент» отсутствует, а человек, выполняющий задачи, которые ты подразумеваешь, является не детективом под прикрытием, а посредником...

- И который, не будучи сотрудником правоохранительных органов, готов оказать содействие в раскрытии преступления, - яростно вращая глазами, перебил его Тилль. - Послушай, избавь меня от своих лекций, почерпнутых из Википедии.

- Тогда и ты избавь меня от своих глупых предложений, - проворчал Скания. - Даже если бы я и захотел, а мне этого не хочется, как я смогу тебя туда внедрить? Психушка - это не парк для развлечений, где можно спокойно прогуляться и поглазеть по сторонам.

И в этом он был прав. «Каменная клиника» судебной психиатрии в Райниккендорфе являлась учреждением строгого режима, где обеспечивался самый высокий уровень безопасности. А так как она представляла собой единственный комплекс зданий на полуострове Тегельского озера, берлинская народная молва по аналогии с названием известного бранденбургского аквапарка окрестила ее «Тропический остров».

Первоначально какой-то крупный инвестор хотел открыть здесь гранд-отель. Однако из-за типичной для Берлина неразберихи расположенный, по сути, в центре города аэропорт так и не был закрыт. И естественно, ни один гость не захотел платить шестьсот пятьдесят евро за ночь за то, чтобы его убаюкивал шум работающих самолетных двигателей. Не помогло решению вопроса и предложение одного известного архитектора придать зданию вид вашингтонского Белого дома с украшенным роскошными колоннами входом и четырехэтажными флигелями на восточной и западной стороне.

Дело закончилось тем, что этот участок земли вместе с неотделанными постройками купила некая частная управляющая компания, и теперь здесь проживали не гости, знаменитости или политики, а самые опасные психопаты Германии. Причем злые языки утверждали, что психическое здоровье нынешних «гостей», состоявших из шизофреников-насильников, садистов-убийц и окончательно лишившихся рассудка безумцев, по сути, мало чем отличалось от душевного самочувствия людей, для которых этот комплекс планировался изначально. Для полной характеристики обитателей клиники можно упомянуть хотя бы одного кровавого художника – тридцатидвухлетнего мужчину, выглядевшего как преподаватель высшего учебного заведения и отдававшего предпочтение созданию картин с морскими пейзажами, где в качестве красок использовались жидкости, вытекавшие из тел его жертв. Причем последних, пока они истекали кровью, этот монстр заставлял смотреть на то, что он рисует.

Таким образом, Гвидо Трамниц находился здесь в обществе себе подобных умалишенных, которые по состоянию своего психического заболевания были признаны судом невменяемыми и изолированы от общества в этом психиатрическом учреждении до конца жизни.

Все это Тиллю было известно, но тем не менее он глубоко вздохнул и произнес:

– Я тоже не знаю, как ты решишь этот вопрос, но мне нужно туда попасть. Мне надо к Трамницу!

– Зачем? Чтобы ты разделал убийцу твоего сына под орех?

В ответ Тилль грустно покачал головой.

– Мне нужна ясность, Оливер. Я не могу жить в неведении. Мне нужно найти сына и попрощаться с ним. Ты это понимаешь?

Ответ он прочитал в глазах своего шурина. Скания, естественно, понял его, ведь Оливер работал полицейским, и ему было известно, какие чувства вызывает сообщение о смерти ребенка у его родителей. С этим известием умирала их душа, заканчивалось их счастье, и они навсегда прощались с тем миром, в котором радовались жизни их дети. И тем не менее эти родители оказывались в преимущественном положении по сравнению с теми, которые так и не смогли узнать о том, что на самом деле случилось с их ребенком, и убедиться, что он мертв.

– Я чувствую себя так же, как лошадь со сломанными ногами, лежащая в кювете, – заявил Беркхофф.

– И встреча с Трамницем была бы для тебя чем-то вроде выстрела, избавляющего от мучений?

– Совершенно верно. Он не разговаривает ни с полицией, ни с представителями прокуратуры или суда. Поэтому мне надо попасть туда и находиться от него в непосредственной близости. Я хочу узнать, где он спрятал тело Макса.

– Гм. Хорошая идея. Трамниц, безусловно, признается тебе во всем добровольно и без всякого принуждения, – язвительно заметил Скания.

В ответ Тилль снова задумчиво покачал головой.

– Возможно, мне и не придется с ним разговаривать, если удастся найти его дневник.

– Ну и наивный же ты! – мягко улыбнулся Скания. – Это всего лишь слухи, и даже если этот дневник существует на самом деле, в чем я сильно сомневаюсь, то Трамниц вряд ли оставит его на видном месте.

Заявление шурина звучало весьма логично, но Тилль не хотел признавать его правоту, иначе ему пришлось бы также согласиться с тем, что, кроме демонстрации мужества отчаявшегося человека, он не способен предложить какой-нибудь реальный план действий. Поэтому Тилль ответил почти вызывающе:

– В заведениях, в которых установлены правила высокого уровня безопасности, не может иметься слишком много потайных мест.

– Ты верно подчеркнул, – парировал Скания. – Именно высокого уровня безопасности! У меня нет ни малейшего представления о том, как ты будешь передвигаться по психушке, не говоря уже о способе знакомства с Трамницем. Даже если мне удастся совершить невозможное, тебя в лучшем случае засунут в обычную закрытую психиатрическую зону, тогда как Трамниц находится в той части территории, которая имеет классификацию безопасности четвертой степени.

С этими словами Оливер принялся загибать пальцы, поясняя:

– Это означает: во-первых, наличие досмотрового сканера в шлюзе доступа в его зону; во-вторых, проверку отпечатков пальцев и сканирование радужной оболочки глаз на переходах, имеющих отношение к безопасности; в-третьих, постоянное отслеживание ситуации с помощью беспилотников и, наконец, в-четвертых, двойной забор, напоминающий Берлинскую стену.

– Я подумаю об этом, как только окажусь на территории психушки. Не сомневаюсь, что мне удастся найти способ.

– Безумие какое-то! Не думай, что я поддержу тебя в этом самоубийственном самопожертвовании.

– Ах нет? – воскликнул Тилль, собрал волосы надо лбом в пучок и вырвал их с корнем.

В его ушах раздался треск, как будто одновременно лопнуло несколько ячеек полиэтиленовой пузырчатой упаковочной пленки, и прежде, чем Скания успел что-то предпринять, кровь потекла по его лицу.

- Боже! Что ты делаешь? - прорычал Оливер.

- Я готовлюсь, - ответил Беркхофф, стряхивая вырванные волосы с ладони.

Однако это удалось ему с большим трудом, поскольку руки у него сильно вспотели. Затем он снова схватил себя за пучок волос, но на этот раз возле темечка.

- Прекрати! Боже мой! Нет! - заорал Скания.

Не обращая внимания на вопли шурина, Тилль дернул себя за волосы во второй раз. Еще сильнее. При этом Беркхоффа пронзила такая боль, что ее едва можно было терпеть. Кровь заструилась и начала капать на пол.

- Ты с ума сошел, идиот?

- Вот видишь, как мне быстро удалось тебя переубедить, - вымученно улыбнулся Тилль. - Так что же?

- Что ты имеешь в виду?

Беркхофф продемонстрировал шурина пучок волос, который только что украшал его голову, а теперь смотрелся как скальп, приклеившийся к окровавленным рукам, и заявил:

- Когда я закончу с волосами, то начну глотать очиститель с хлором для ванны, а пока буду ожидать «скорую», найду способ выбить себе зубы. Может быть, у меня даже хватит мужества выколоть себе глаз.

- Ты точно сошел с ума!

- Да, однако пока я представляю опасность только для себя самого, но...

Тут Тилль многозначительно указал пальцем на то место, где из-под пиджака Скании выпирало его служебное оружие.

– Как только я попытаюсь отнять у тебя пистолет, начну представлять опасность для окружающих. Как видишь, мне все равно удастся найти дорогу в закрытую зону. Так что же?

С этими словами Тилль вырвал у себя из головы еще один, но уже больший пучок.

– Черт возьми! Дружище! – взвыл Скания. – Ну хорошо! Перестань! Я посмотрю, что можно сделать! Договорились?

Некоторое время Оливер ошеломленно стоял перед Тиллем, а потом сделал то, что обычно предпринимал, когда ситуация выходила из-под его контроля. Он напрямик двинулся к двери из гостиной и с треском захлопнул ее за собой. Беркхофф тоже постоял с минуту, а потом горько зарыдал. От облегчения, что шуриин согласился ему помочь, от боли, которая только сейчас стала распространяться с полной силой, поскольку эмоциональный всплеск больше не поддерживал его тело в повышенной боевой готовности. И от страха!

«Боже! Как я боюсь!» – подумал он.

А иначе и быть не могло, ведь Тилль не имел ни малейшего представления о том, во что он ввязывается в случае, если Скания действительно исполнит последнее желание в его жизни и сделает из него заключенного этой клиники.

Глава 9

Патрик Винтер

В гостиной, всего в каких-то ста метрах от детского сада, все было пропитано энергией смерти. Она исходила от обливавшегося потом Патрика Винтера, смотревшего через доходившее до пола окно на запущенный сад, примыкавший к дневному детскому садику. Два участка земли отделяла друг от друга лишь узкая тропинка.

Если бы кто-нибудь осмелился заглянуть сюда, то увидел бы в окне первого этажа дома дрожащего человека лет сорока, весь облик которого говорил о том, что в душе он окончательно проиграл сражение с одолевавшими его демонами. Патрика отличали немного длинноватые, с трудом укрощенные вьющиеся волосы, выдающийся вперед плохо выбритый подбородок и усталые глаза, в которых светился холодный страх.

Стрелки часов показывали восемь вечера, и в это время проживавшие в округе добропорядочные граждане обычно смотрели новости по телевизору или ужинали в семейном кругу. Прогулки же совершались ими только после того, как дети были уложены в постели, да и то непродолжительные. Но сегодняшней вечер был исключением!

Сегодня при встрече с Винтером возле Олимпийского стадиона на улицах Рулебена, этой аристократической части города с располагавшимися здесь вилами, прохожие вряд ли обратили бы на него особое внимание. Ведь на улицах и без Патрика хватало людей, которые, надев на себя одеяния разного рода нечисти в виде ведьм, привидений и прочих злых духов, пытались напугать случайных прохожих.

Сегодня был Хеллоуин. И даже грозивший простудой затяжной дождь, моросивший все последние дни, не мог удержать переодетых в вампиров, скелетов или зомби подростков от того, чтобы, забравшись в палисадники соседей, украсить их туалетной бумагой. Хозяева же должны были держать входные двери в свои жилища закрытыми. А когда они открывали их, то им немедленно задавали вопрос:

– Сладкое или кислое?

Снова раздался звонок, и Патрик прикусил ладонь между большим и указательным пальцами, чтобы громко не закричать от переполнявших его чувств. За последние полчаса в его дверь звонили уже четыре раза. То были парни с устрашающе раскрашенными рожами, девушки в облачении привидений и дети со светящимися тыквами в руках.

Один раз он даже открыл дверь и угостил мальчишку в костюме скелета с искусственной паутиной в волосах шоколадным батончиком, одним из тех, которыми Винтер только и питался в последние дни. Парнишка был не старше

восьми лет, и родители ждали его на улице. Он, конечно, не имел никакого сходства с Йонасом, но его большие, широко открытые глаза тем не менее напомнили Патрику о сыне.

Патрик попытался даже помахать парнишке на прощание.

«Возможно, все было бы по-другому, – подумал он. – Если бы я тогда помахал сыну, а он в ответ улыбнулся».

Но мальчик в костюме скелета даже не обернулся, и Винтеру только и оставалось, что глядеть ему вслед, наблюдая, как он спешил назад к своим родителям с шоколадным батончиком в руке, а затем завернул вместе с ними за угол, навсегда исчезнув из его жизни.

После этого Патрик больше не реагировал на звонки, раздававшиеся в его пустом доме. Ему вспомнилось, как им с Линдой, его женой, которая тогда была беременна Йонасом и находилась на шестом месяце, расхваливал это жилище риелтор, называя его «архитектурной виллой». Тем самым он как бы подчеркивал, что они могут себе позволить купить этот дом, ведь на риелторском жаргоне понятие «архитектурная вилла» обозначало минимальную продажную стоимость эксцентричного строения.

В эксцентричности дома сомневаться не приходилось, и им пришлось достаточно долго привыкать к его внутренней планировке. Взять хотя бы гостиную, посередине которой предыдущий владелец встроил шестиугольное джакузи – идея достаточно смелая даже для холостяка.

«Кто же станет мыться перед телевизором?» – подумали они тогда с Линдой.

Этот «шедевр» эксцентричности к тому же был опасным для жизни маленьких детей. Поэтому они с женой заложили ванну подушками, превратив ее в диван для развлечений.

В то время, когда мир еще не обрушился на них, принеся нестерпимую боль, денег на реконструкцию внутренних помещений у семьи не было. Поэтому и джакузи, и уродливые черно-белые, похожие на шахматные доски плитки на открытой кухне так и остались нетронутыми.

Остались! В отличие от Линды, которая давно бросила его. И поделом!

Патрик скользнул взглядом по каштану, в который позапрошлым летом ударила молния, и задержал свой взор на окнах ярко освещенной комнаты отдыха детского садика «Лесной кот», где уже началось родительское собрание.

«Надо же, именно сегодня!» – подумал Винтер.

Вот уже три четверти часа взрослые сидели кружком в недавно отремонтированном общем зале, расположившись на небольших, но довольно крепких стульчиках, предназначенных для детей от двух до шести лет. Именно такого возраста детишки посещали этот садик. Сюда ходили мальчики и девочки, которых звали Жасмин, Игорь, Александр, Юра, Торбен, Мехмет... и Фрида.

«Моя Фрида, – пронеслось в голове у Патрика. – По крайней мере, она все еще жива».

Винтер являлся, пожалуй, единственным родителем, который отсутствовал на этом собрании без уважительных причин. Все остальные, кто не мог прийти, как Линда, например, заранее записались в установленном в садике порядке на специальном листке отсутствующих, вывешенном у входа, или отправили соответствующее электронное уведомление, если забыли внести себя в список накануне, когда забирали своих детей.

В детском садике «Лесной кот» господствовал порядок, и все здесь проходило в соответствии с установленными правилами.

«Интересно, ждут ли они меня вообще после всего того, что произошло? – подумал Патрик. – В конце концов, один мой ребенок все еще ходит в садик, тогда как другой гниет где-то в земле».

Винтер вытер набежавшие слезы и посмотрел на пистолет в руке. Он занимался спортивной стрельбой, имел разрешение на владение оружием и регулярно тренировался в стрелковом клубе. Кто-кто, а Патрик точно знал, в какое именно место надо направить ствол, чтобы вышибить себе мозги.

Тем не менее чем дольше Патрик смотрел на детский сад, на расколотый молнией каштан, на ветвях которого он собирался построить игрушечное жилище для своих детей, тем меньше ему хотелось стреляться.

«Это слишком простой выход. Так поступают только трусы», – подумал Винтер.

Патрик оторвался от окна, прошел через гостиную в коридор и открыл дверь в подвал, помещения которого были переоборудованы под жилье. И хотя пол здесь устилал светлый ковер, имелись душевая комната и скупно пропускавшие дневной свет оконца, в нос ему ударил типичный для погреба затхлый запах влажной пыли и старых книг.

«Этого запаха мне тоже будет не хватать», – пронеслось у него в голове.

Внизу Патрик вошел в гостевую спальню, где на кровати как бы в ожидании скорого визита гостей было застелено чистое постельное белье. И только пыль на мебели выдавала, сколь долго до нее не притрагивались руки уборщицы.

Он пошарил под кроватью и вытащил из-под нее сумку, с которой раньше всегда ездил в спортзал. Однако вот уже четверть года, начиная с того самого худшего в его жизни дня, Винтер не посещал тренировки: ему не нужно было сгонять лишний вес, так как у него полностью пропал аппетит.

Патрик открыл сумку и посмотрел на полиэтиленовые бутылки, в которых раньше была минеральная вода. Теперь же в них плескалась янтарного цвета жидкость. Всего было четыре бутылки по семьсот пятьдесят миллилитров в каждой.

Винтер взял их у привратника в подвале стеклянного небоскреба на Потсдамской площади, в котором располагался офис фирмы, где он работал. Это была одна из самых крупных частных компаний Германии, занимавшаяся вопросами медицинского страхования. Его напоминавший коробку из-под шляп кабинет находился на двадцать втором этаже и относился к отделу управления рисками. И надо отметить, что из окон отсюда открывался роскошный вид на филармонию.

«Скоро меня уже не будут трогать никакие виды», – подумал он.

Патрик постоял немного, тупо уставившись на бутылки, а затем открыл первую из них и пробормотал:

– Что ж, начнем. Настало время надеть свой жидкий наряд для Хеллоуина.

Он положил пистолет в карман и взял первую емкость. Затем Винтер закрыл глаза и начал лить ее содержимое себе на голову. Глаза Патрик открыл снова только для того, чтобы открутить пробку на второй бутылке и вылить из нее жидкость себе на туловище. От едких паров в носу и горле у него запершило. Он закашлялся, но продолжил обливаться.

Наверху вновь послышался звонок у входной двери.

– Сладкое или кислое? – спросили детские голоса.

Патрик поставил пустые бутылки на облитое жидкостью ковровое покрытие и подождал, пока дети угомонятся, а затем поднялся наверх по лестнице обратно в гостиную, где прямо посередине комнаты стояло никому не нужное джакузи. Здесь он открыл дверь на террасу и, насквозь мокрый, вышел наружу, вдыхая влажный и холодный осенний воздух.

Дождь все еще шел, но несколько капель уже не могли сорвать его план. Для этого он вылил на себя слишком много бензина.

– Все отлично! – подбодрил себя Патрик и принялся ощупывать карманы джинсов.

Убедившись, что его безотказно работавшая на ветру зажигалка фирмы «Zippo» из карманов никуда не исчезла, Патрик Винтер проследовал мимо расщепленного молнией каштана и направился к детскому саду.

Глава 10

Фридер

– Ну, признайтесь же, доктор Фридер! – проговорил Гвидо Трамниц. – Вы бы наверняка хотели, чтобы по недосмотру ваша рука соскользнула. Я прав?

Ему было явно весело, что являлось довольно странным для пациента, которому предстояла операция на сонной артерии без общей анестезии в положении «на боку».

Фридер старался не обращать внимания на слегка гнусавый и в то же время высокомерный голос убийцы и сконцентрироваться на крошечном золотом зажиме в своей руке. К тому времени ассистировавший ему старший врач Хопф уже пометил синей полоской правую сонную артерию ниже Y-образного разветвления, которую Фридер фамильярно называл «сосудом для мусора».

В этом месте, где общая сонная артерия разветвляется на сосуды, идущие к лицу и мозгу, в кровотоке часто возникают завихрения, приводящие к отложениям извести и жира. Такая картина чаще всего наблюдается у людей пожилого возраста. А вот у Трамница, обращавшего большое внимание на правильное питание, несмотря на мускулистое и хорошо тренированное тело, в его двадцать восемь лет через нежно-розовые стенки артерии уже начали поблескивать светло-оранжевые отложения, которые Фридеру и предстояло осторожно удалить.

– Почему бы этой свинье прямо здесь и сейчас не понести заслуженное наказание? Так вы думаете, не так ли? – между тем продолжал изгаляться Трамниц.

«Нет, я думаю о Тилле Беркхоффе и о его отчаянной просьбе спасти тебя, сукина сына», – мысленно ответил ему Фридер.

Маньяк улыбнулся, ведь он находился в полном сознании. Дело заключалось в том, что во время столь сложной операции общий наркоз применять было нельзя и ее позволялось осуществлять только под местной анестезией, чтобы держать неврологические функции пациента под постоянным контролем. А в таких условиях, к сожалению, заткнуть рот этому ублюдку не представлялось возможным.

– Пожмите мне руку! – велела врач-анестезиолог Андреа Шильф, чтобы наряду с мимикой проверить также моторику пациента.

Между ней и Фридером была натянута зеленая операционная ткань, позволявшая им держать зрительный контакт друг с другом: Шильф наблюдала за Трамницем с левой стороны, а сам Фридер занимался правой сонной артерией. Он установил похожий на канцелярскую скрепку золотой зажим на главном ответвлении, и в этот момент у него мелькнула мысль и прямо-таки зачесались пальцы от желания совершить непоправимую ошибку.

Фридер, конечно, понимал, что такие мысли неэтичны, но он тоже был человеком. Буквально перед самым звонком Беркхоффа его посетила мысль, что ничего плохого не будет в том, если у него во время хирургического вмешательства «случайно» соскользнет рука. Никто не стал бы лить слезы по этому негодяю. Наоборот! А вот если операция прошла бы успешно, то в этом случае «зверь-инкубаторщик», как окрестила пресса этого мучителя детей, еще много лет находился бы на попечении государства, являясь своеобразной миной с взведенным часовым механизмом для сокамерников и представляя собой угрозу для многих семей в случае побега.

Между тем Трамниц продолжал его провоцировать.

– Забудьте о вашей клятве Гиппократата! – говорил маньяк. – Думайте лучше о том, что я сделал с детьми, Фридер!

– Успокойтесь! – сказала врач-анестезиолог.

Однако ее призыв на Трамница никак не подействовал.

– Знаете, – заявил он. – У меня всегда с собой были вещи для переодевания. Как для мальчиков, так и для девочек. Причем разных размеров. Эту одежду я хранил в специальной сумке в багажнике. Мне хотелось быть готовым ко всему. Как только дети оказывались в моей машине, я их переодевал, чтобы в случае объявления немедленного розыска невозможно было бы быстро опознать ребенка. Часто эти сосунки, думая, что с ними играют, меняли одежду сами.

В груди Трамница послышался булькающий звук, напоминающий смех.

– Когда они оказывались в инкубаторе, то так уже не думали.

«О боже! – подумал Фридер. – Из его слов следует, что жертв было гораздо больше двух!»

Между тем маньяк продолжал откровенничать:

– Я сам построил инкубаторы. Гораздо лучшие, чем те маленькие ящики, которые были в нашем распоряжении в Вирхове.

Здесь Трамниц вздохнул так, как будто предавался воспоминаниям о днях прекрасно проведенного пляжного отдыха.

– Да, мои инкубаторы были гораздо лучше. В них я мог делать с детьми все, что угодно, – гладить, кормить, менять подгузники. Настоящее воплощение мечты.

– Сейчас я разделю кровоснабжение, – громко сказал Фридер, начиная, таким образом, отсчет самых критических в операции двадцати минут.

С момента расшивания правой ветви от Y-образного разветвления никаких неточностей допускать было нельзя – от этого зависело снабжение кровью мозга.

«Больного мозга психопата», – подумал Фридер.

– Так могло продолжаться вечно, – продолжал разглагольствовать Трамниц. – Если бы я только не тронул эту шлюху. Однако мамаша начала собственное расследование и была близка к разгадке моего трюка с посылками. И тогда голоса приказали мне ее убить.

«Голоса, так я тебе и поверил», – мысленно отреагировал Фридер.

Он никак не мог взять в толк, почему психиатры и судьи так легко купились на эту явную ложь. Трамниц, без всякого сомнения, был одержим, но никак не мифическими невидимыми силами, которые якобы управляли его мыслями. Он был одержим жаждой убийства. И его место было не в психиатрической больнице, а в тюрьме. Или, еще лучше, в сибирском трудовом лагере.

Фридер прикрыл глаза, затем снова открыл их и взял поудобнее скальпель.

– Если бы я более аккуратно избавился от ее тела, то меня никогда бы не поймали. Такие вот дела. Ерунда какая-то, не правда ли?

Тут Фридер посмотрел на старшего врача Хопфа, который предостерегающе покачал головой, как бы говоря: «Не торопись и успокойся. Не допускай ошибки. Негодяй этого не стоит».

Едва сдерживаясь, чтобы не допустить непоправимой ошибки в проведении операции, Фридер все же сказал:

– Послушайте, я пытаюсь спасти вам жизнь. Почему бы вам взамен не проявить немного порядочности и не признаться во всех своих делах родителям, которым вы причинили так много боли и страданий?

– Если я не ошибаюсь, то вы намекаете на мою фигурку Люка Скайуокера, верно? – спросил Трамниц.

– Если уж вы выставляете свои трофеи открыто, то могли бы и признаться.

– О каком трофее речь? – хихикнул Трамниц. – Полиция постоянно спрашивала меня об этой фигурке, вот я и раздобыл себе одну, чтобы хотя бы знать, как она выглядит.

Фридер вновь посмотрел на своего ассистента, и тот, снова покачав головой, сказал:

– Перестань. Сейчас не самое подходящее время для уговоров.

Тогда Фридер тяжело вздохнул и, обращаясь к маньяку, произнес:

– Хорошо. Это действительно не имеет смысла. Просто закройте свою грязную пасть, пока мы работаем.

Однако в ответ Трамниц громко рассмеялся. Его шея пришла в движение, не позволяя сделать аккуратный надрез.

– А то что? Вы повредите мне гортанный нерв, как Флориану Бродеру?

Услышав такое, Фридер застыл как вкопанный.

«Как, черт возьми, Трамниц мог узнать об этом? – подумал он. – Это имя в прессе никогда не упоминалось. Ах да, он же, как и я, когда-то работал в Вирхове».

Слухи в этой клинике расползались быстрее, чем в Фейсбуке.

– Безобидное вмешательство в щитовидную железу, – продолжал между тем Трамниц. – Но в результате Бродер заработал двойной паралич голосовых связок и вынужден остаток жизни провести под аппаратом искусственной вентиляции легких. Я правильно говорю? А все потому, что накануне ночью вы, как всегда, заглянули на донышко бутылки.

– Не обращай на него внимания, Хартмут. К сожалению, мы не можем заставить его замолчать, – прошептал Хопф, но Трамниц его услышал.

– Хартмут? – рассмеялся он. – Я думал, что коллеги зовут вас «Фридер-вермут». Это прозвище вы вполне заслужили. А вермут вам нужен, чтобы придать себе храбрости, которой у вас не хватает. Кстати, а как сегодня? Тоже махнули стаканчик?

– Сейчас вы это узнаете, – яростно прошипел Фридер и рассек ему сонную артерию.

Глава 11

Патрик Винтер

Вонь, исходившая от Патрика, участникам родительского собрания, сидевшим на детских стульчиках, явно не понравилась. При его появлении одни из них, задыхаясь, широко открывали рот, другие отворачивались, а одна мамаша в вышитом цветочками кардигане, чей сын Эмиль ходил в так называемую «Солнечную группу», зажала нос.

Сам он запаха бензина уже не чувствовал, хотя и вонял, как бензоколонка, а может быть, еще хуже. И этот запах не смогли заглушить даже ароматические свечи, горевшие на полочках перед пестро размалеванными окнами.

– Добрый вечер! Не желаете присесть? – спросила старшая воспитательница Виктория.

Она была единственным обратившимся к нему человеком из числа присутствовавших. С момента, когда на входной двери он ввел код, который знали все родители, говорить приходилось только ему.

– Прошу прощения, прошу прощения, – как заведенный, повторял он, войдя в актовый зал, который обычно использовался для проведения различного рода мероприятий.

Сегодня же он сам стал предметом обсуждения среди круга лиц, насчитывавшего около пятнадцати человек, вздрогнувших при его появлении.

– Вы, конечно, не ожидали настоящего привидения? Верно? Я имею в виду, что на празднике Хеллоуина вряд ли кто-нибудь из вас сможет быть похожим на меня, – делано рассмеялся Винтер и провел рукой по пропитанным дождем и бензином волосам.

Он оглядел присутствовавших и заявил:

– Ну, ну, бросьте! Что случилось? Почему такие озадаченные лица? Ваши дети все еще живы!

С этими словами Патрик вынул из кармана брюк зажигалку и с вытянутой рукой застыл, как статуя Свободы. Никто не встал. Все буквально оцепенели. Только Виктория потянулась к телефону, видимо, чтобы вызвать полицию, но это его

вполне устраивало.

– Каждый из вас наверняка думает, что сегодня было бы гораздо лучше остаться дома, не правда ли? – обратился Винтер к родителям. – Лучше бы послушали своих хныкающих детей, которым гораздо больше понравилось бы переодеться и вместе с вами принять участие в празднике. Но нет! Маме и папе требовалось идти на родительское собрание! И кто только составил такой дурацкий план? – Тут он подмигнул одной из воспитательниц по имени Соня и продолжил: – Я имею в виду, что глупо было назначать собрание именно на тридцать первое октября. Это каким же идиотом надо быть?

Патрик коснулся влажного лба, на мгновение умолк, а затем заявил:

– Сегодня не следовало бы обсуждать вопрос, могут ли дети взять с собой свои игрушки или сколько сладостей разрешено хранить в хлебном ящике. Сегодня надо изгонять неприкаянные души умерших. Блуждающую душу моего Йонаса. Да и мою собственную.

Он судорожно сглотнул, закашлялся и продолжил:

– Что ж, дорогие родители! Вы поступили глупо и не переоделись. Пришлось мне сделать это за вас, и вот я здесь. Как живое доказательство того, что зло действительно существует и что дети могут умереть. И не только в сообщениях по телевизору и в газетах, а здесь, в Берлине, прямо у нас на глазах.

В этот момент большинство родителей отвели взгляд от Патрика. Они были озадачены, шокированы и напуганы. Причем не только женщины, но и мужчины.

Не обращая внимания на их реакцию, Винтер произнес:

– Мне очень жаль, что пришлось нарушить вашу идиллию и внести сумбур в ваши представления об идеальном мире. Посмотрите на меня!

Патрик перешел на крик, обращаясь главным образом к парочке геев, воспитывавших приемного ребенка, бабушке одного из воспитанников, пришедшей на собрание вместо работавших родителей, и, конечно же, к образцовой супружеской паре вертолетчиков. Последние пришли вместе, чтобы

всем показать, насколько важен был для них вопрос воспитания потомства, и сидели, словно в школе, разложив блокноты на коленях, как будто бы на этом собрании могли сказать о чем-то очень важном, что обязательно требовалось записать.

Глядя на эту образцовую супружескую пару, он воскликнул:

- Пометьте же себе заглавными буквами: «ВАМ ПРОСТО ПОВЕЗЛО!»

Патрик прокричал это, брызгая слюной, и потряс правой рукой с зажатой в ней зажигалкой.

- То, что случилось со мной, могло случиться и с вами! - не сбавляя тона, продолжил он. - Думаете, что вы непогрешимы? Тут вы ошибаетесь! Поэтому я не вижу другого способа...

- Господин Винтер! - перебила его Виктория.

Кроткий голос этой шестидесятидвухлетней воспитательницы сбил с толку Патрика, и он внимательно посмотрел на нее. Она, как всегда, была одета в оранжевое платье, однако из-за погоды в этот вечер сменила свои балетки на прорезиненные туфли.

- Не хотите присесть? - как ни в чем не бывало продолжила Виктория, указывая рукой на свободный стульчик.

- Нет, нет. Я просто хочу...

Увидев протянутый ему мобильный телефон, он запнулся, подумав: «Она хочет, чтобы я поговорил с полицией?»

Однако Патрик ошибся.

- У телефона ваша жена, - проговорила Виктория.

Тут ему пришлось признать, что со стороны воспитательницы это был умный ход. Он всегда с большим уважением относился к этой женщине, которой скоро

предстояло выйти на пенсию и которая обладала огромным опытом в воспитании подрастающего поколения. За долгие годы своей работы она наставила на правильный жизненный путь не один десяток своих воспитанников. И то, что Виктория позвонила именно Линде, явилось таким неожиданным ходом, который он не предвидел.

Это действительно было умно.

И очень чутко с ее стороны.

Он взял мобильный телефон и, проглотив подступивший к горлу комок, сказал:

- Линда, это ты?

- Да. В чем дело, дорогой?

«Дорогой!» - эхом отозвалось это слово в его голове.

Как долго она так его не называла! Раньше как минимум три раза на дню - утром, в обед и вечером. Но с исчезновением сына их совместная жизнь разрушилась, и ласковые слова, свидетельствовавшие о взаимной любви, куда-то испарились.

- Дорогая, - ответил Патрик. - Прости, но сейчас я не могу говорить. Я все написал тебе в письме, которое ты скоро получишь по почте.

- Ничего не понимаю. Что ты делаешь?

- Я на родительском собрании.

- Это мне известно. Но что ты задумал? Они говорят... По крайней мере, так сказала Виктория... Ты же не наделаешь глупостей?

Он покачал головой, не выпуская из виду сидевших кружком родителей. Из всех собравшихся здесь глупцов роль героя больше всего подходила мускулисту торговцу автомобилями с нелепыми серьгами-гвоздиками в ушах, который явно собирался протянуть ему стульчик через головы присутствовавших.

– Я уже совершил самую большую глупость в своей жизни, когда...

– В этом нет никакого смысла! – расплакавшись, перебила его Линда. – Дорогой! Твое самобичевание не вернет нам нашего ребенка.

– Это правда. Но, что бы я ни делал, ты ведь тоже не вернешься, верно? Я потерял всю свою семью.

– Дорогой...

– Я заслужил ад.

– Нет! Подожди! Прошу тебя! Что бы ты ни задумал, не делай этого!

– Я должен сгореть! Линда, пойми! И не только я. Пусть все родители увидят, как горят в аду! Вот почему я здесь!

Сказав это, он отключил телефон, зажег зажигалку и поднес ее к своим волосам.

Из груди родителей вырвался сдавленный крик ужаса, когда в следующее мгновение всю его голову охватило пламя.

Глава 12

Тилль

Было ровно двадцать часов сорок пять минут, когда карета скорой помощи с сиреной и включенными синими мигалками, шурша шинами по мокрому асфальту, мчалась по выделенной полосе для автотранспорта специального назначения на скоростной городской автодороге.

Водителю «скорой» постоянно приходилось резко нажимать на тормоз и подавать звуковые сигналы. На одном из поворотов машину занесло, но шофер

справился с управлением, снова утопил педаль газа в пол, и автомобиль понесся дальше по лужам сквозь дорожные пробки.

Между тем дождь усилился, а вместе с ним стал нарастать и страх у единственного пассажира, закрытого в отсеке для перевозки пациентов.

Через десять минут бешеной гонки скорость движения автомобиля замедлилась, и кузов стал плавно покачиваться, как при езде по грунтовой дороге, а затем под колесами захрустел грубый гравий. Наконец машина остановилась, и сирены смолкли. Но ненадолго, всего на каких-то тридцать секунд. Именно столько понадобилось времени, чтобы чересчур грузный мужчина, стоявший возле паркового домика, смог в нее забраться. Затем «скорая» помчалась дальше.

– Ты действительно хочешь пройти через это? – не столько спрашивая, сколько утверждая, сказал Скания, глядя на Тилля одновременно и с восхищением, и с отвращением.

Чтобы не удариться, Оливер втянул массивную голову в плечи и держался своей волосатой «лапой» за носилки, к которым был привязан Тилль. Для «порядка», конечно, ведь когда они прибудут на место, все должно было выглядеть натурально.

– Дело на этого человека у тебя с собой? – спросил Беркхофф.

В ответ Скания утвердительно кивнул. Его костюм весь вымок. Видимо, в ожидании машины скорой помощи полицейскому пришлось довольно долго стоять под дождем.

– Твое новое имя – Патрик Винтер, – сказал Скания, вытаскивая из-под пиджака коричневый бумажный скоросшиватель.

Он открыл его и начал инструктировать своего свояка:

– Тебе сорок один год, и ты работаешь в фирме «Ксантия», крупнейшей частной компании Германии, занимающейся вопросами медицинского страхования.

– Медицинского страхования? – переспросил Тилль.

- Правильно. Твой кабинет располагался в главном офисе компании на Потсдамской площади, и ты трудился в качестве актуария.

- Это что еще за зверь?

- Актуарий – это специалист по страховой математике, занимающийся разработкой методологии и исчислением страховых тарифов, расчетами, связанными с образованием резерва страховых взносов по долгосрочным видам страхования, а также вопросами рисков. Этого достаточно.

- Ты это серьезно?

- Чего ты смотришь на меня так потрясенно?

- Я должен изобразить из себя математического гения? Оливер, разве ты забыл, что в пожарной бригаде мне приходилось заниматься довольно грубыми вопросами? Это единственная работа, в которой я разбираюсь. Дружище, мне с грехом пополам удалось окончить среднюю школу, а по математике у меня всегда была двойка с минусом. Заметь, в школе, а не в вузе.

- А кто сказал, что Винтер был гением в области математики?

- Для меня любой, кто умеет считать, уже гений, – заявил Тилль.

Скания еще раз критически посмотрел на Беркхоффа и заметил:

- Наверное, надо тебе напомнить, что все это безумие, в которое мы ввязываемся, является твоей затеей. Я не в состоянии подобрать для тебя идеальную кандидатуру, в параметры которой ты легко впишешься. Но можно все закончить прямо здесь и сейчас, даже не начиная. Нет проблем!

- Ладно, ладно, все хорошо! – поспешил Тилль успокоить своего шурина, стараясь не раздражать его.

Они и так в последние дни часто спорили по поводу целесообразности осуществления задуманного Беркхоффом плана.

– Надеюсь, там не заставят меня считать в уме, а даже если и попытаются, то я уже научился отбрехиваться практически от всего. Кстати, за что Патрика Винтера захотели доставить в «Каменную клинику»? Что он совершил такого?

– В детском саду во время родительского собрания Винтер вылил себе на голову бензин и поджег его, – ответил Скания.

– Зачем он это сделал?

Оливер посмотрел на Тилля так, как будто более идиотского вопроса он никогда в жизни не слышал.

– Ты еще спроси, почему у меня высокое давление, а у моей сестры гипофункция щитовидной железы. Что я знаю? Патрик Винтер был болен, устал от жизни и, наверное, еще со студенческих времен принимал антидепрессанты.

С этими словами Скания постучал толстыми пальцами по скоросшивателю, как бы говоря: «Там все написано», а потом заявил:

– В любом случае для нас это настоящая удача после того, что ты сотворил со своими волосами.

Тут Скания указал рукой на забинтованную голову Тилля.

После нанесенного себе увечья Беркхофф наголо обрил оставшиеся на голове волосы и намазал раны вязкой йодной пастой. Вот уж правду говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Если бы кто-нибудь снял с него повязку, а это скоро обязательно должно было произойти, то все выглядело и пахло довольно натурально.

– Женат? Дети есть? – поинтересовался Тилль историей Патрика Винтера.

– Женат два раза. Его жену зовут Линда, и у них есть дочь Фрида пяти лет.

«На год моложе Макса», – пронеслось в голове у Беркхоффа.

– А где Винтер сейчас? – поинтересовался Тилль.

– В холодильнике.

Беркхофф поднял голову и вытаращил глаза.

– Он умер спустя два часа после причиненных самому себе ожогов. Практически сразу после того, как один судья вынес постановление о заключении его в «Каменную клинику», поскольку несчастный представлял опасность не только для себя самого, но и для окружающих, – добавил Скания.

Тилль опустил голову – теперь все встало на свои места. Это объяснило, почему события начали разворачиваться столь стремительно. Не успел он положить телефон на стол после разговора со своим шурином, как перед домом остановилась машина скорой помощи, о которой говорил Скания.

– Такого шанса больше не будет, верно? – спросил Беркхофф.

– Возможно, это не шанс, а просто безумие, – пробормотал Скания и махнул рукой, как будто говоря: «Делай что хочешь».

Тилль помолчал немного, а потом задал запрещенный вопрос:

– Как тебе удалось сделать из меня Винтера?

Скания скривился так, как будто откусил от лимона.

– Ты и вправду думаешь, что я расскажу тебе, как мы проводим наши тайные расследования? – грустно улыбнулся он. – Я нарушил около двадцати законов и раза в два больше разных служебных предписаний, когда задействовал свои связи, чтобы добиться того, чтобы свидетельство о смерти Патрика Винтера порвали, а его фотографию в деле заменили на твою. Мне пришлось также уговорить двух санитаров, сидящих в кабине водителя, разыграть для тебя роль экипажа «скорой».

Оливер тяжело вздохнул и продолжил:

– Официально Винтер отделался всего лишь легким покраснением кожи головы, поскольку сохранившей присутствие духа воспитательнице детского сада якобы удалось при помощи огнетушителя предотвратить худшее. На самом же деле его голова напоминала чернослив. А моя будет выглядеть еще хуже, если то, что мы с тобой проворачиваем, каким-то образом станет достоянием широкой публики. У меня нет никакого желания, чтобы пострадали и мои помогавшие в этом деле коллеги, если ты проболтаешься.

Тилль ограничился скудным «гм», а затем, немного помолчав, спросил:

– Ты все организовал в клинике? Все, как я просил?

Между тем машина где-то остановилась с работающим двигателем. Скорее всего, на светофоре. Со своих носилок через узкий просвет занавешенного и мокрого от дождя окошка на противоположной стенке кузова Тилль смог разглядеть только верхушку уличного фонаря и раскачивавшуюся от ветра крону дерева на какой-то аллее.

– Я сделал все, что было возможно за столь короткое время, – ответил Скания и, тоже взглянув в просвет окошка, добавил: – Мы скоро приедем.

Он вновь посмотрел на Тилля.

– Спрашиваю тебя в последний раз. Ты уверен, что так надо?

Поскольку Беркхофф при их последнем разговоре уже разъяснял свою позицию, то сейчас ограничился лишь кивком.

«Да. Мне нужно туда попасть. К Трамницу. Я хочу получить достоверные сведения о Максе», – подумал он.

По выражению лица Оливера было понятно, что он и не рассчитывал на изменение намерения своего родственника, но все же Скания не выдержал и покачиванием головы выразил все, что думал по поводу этой авантюры.

– Ну хорошо, тогда запоминай, – окончательно сдался Оливер.

Он помолчал немного и приступил к инструктажу:

– Многого мы, естественно, приготовить не смогли, но все же это лучше, чем ничего. При поступлении в клинику с режимом наивысшей безопасности у тебя отберут все личные вещи. На время обыска твоей одежды тебе выдадут спортивный костюм. Как понимаешь, у тебя изымут мобильник, все острые предметы, ремень и многое другое. Не сможешь ты взять с собой и дело Винтера. Но если все пойдет хорошо, то у тебя будет помощник.

– Кто?

Скания, не любивший, когда его прерывали, надул губы.

– Ее зовут Седа. Достаточно того, что тебе известно ее имя. А теперь очень важно, запоминай. Она не наш человек и тем более не доверенное лицо. Мы не знаем степень ее надежности. Нам известно только то, что за деньги она готова практически на все.

– А кем эта женщина работает в клинике?

– Она управляет автобусом, – нетерпеливо ответил Скания.

– Что еще за автобус?

– Сам скоро это узнаешь, – буркнул Оливер, поглядел на часы и проговорил: – Не будем терять время на второстепенные вещи. Гораздо важнее обговорить то, как ты сможешь связаться с нами в случае чрезвычайной ситуации.

– И как мне это сделать?

– По специальному мобильнику. Он лежит в библиотеке. Полка номер три, второй ряд. Прямо за Библиями спрятана толстая книга Джеймса Джойса под названием «Улисс». Этот толстенный фолиант настолько велик, что его не брал читать ни один заключенный. Если даже кто-то случайно на него наткнется, то увидит обычную, не пользующуюся спросом в этом заведении книгу. На самом деле начиная со страницы номер восемьдесят четыре в ней имеется выемка, в которой лежит маленький мобильный телефон фирмы «Nokia». По нему ты

сможешь отправить эсэмэску и позвонить, но выхода в Интернет у него нет.

– Ясно, – коротко ответил Тилль.

Ему было понятно, что все остальные функции потребовали бы слишком большого расхода энергии батареи. Кроме того, постоянное нахождение телефона в сети было сопряжено с определенными рисками.

– А по каким номерам и с кем я могу связаться? – поинтересовался он.

– Все необходимые номера заведены. Мой служебный – на первой кнопке быстрого набора, личный – на второй, а на третьей – телефон Хартца.

Хартц являлся адвокатом и одновременно нотариусом Тилля. У него под присягой было составлено письменное заявление о том, что, находясь в здравом уме и твердой памяти, Тилль Беркхофф отправляется в «Каменную клинику» только для получения сведений о своем сыне. Таким образом, этот нотариус, не считая Сканию, был единственным человеком, знавшим о предстоящем мероприятии. О том, что он проговорится, можно было не беспокоиться, поскольку Хартца связывала обязанность хранить адвокатскую тайну.

О принятом им решении Тилль не уведомил даже свою жену Рикарду, хотя он и не хотел, чтобы она начала о нем беспокоиться, обнаружив, что ее муж внезапно куда-то исчез.

– Если возникнут какие-то трудности, то тебе достаточно будет три раза набрать мой номер, и тогда я попытаюсь вытащить тебя оттуда, – закончил свой инструктаж Скания.

– Попытаешься? – переспросил Тилль своего шурина.

– Это было твоим желанием. Это ты захотел стать заключенным в этом особо охраняемом заведении. Я выполнил твою просьбу. Как только ты пересечешь границу клиники, тебе придется рассчитывать только на себя. О твоём истинном положении не знают ни охранники, ни врачи. Даже Седа не в курсе происходящего. Если бы я только заикнулся о нашем плане кому-нибудь из работающего там персонала, то сам оказался бы на твоём месте на этих

носилках. Меня просто посадили бы в психушку. Ведь такой безумный план официально не одобрила бы ни одна полицейская инстанция, не говоря уже о врачах.

– Я... – начал было Тилль.

– Помолчи! – перебил его Скания. – Я еще не закончил. Говорю в последний раз. Если с тобой что-то случится, не важно где, в камере, во дворе, в душе или даже в лечебном кабинете, никто там тебе не поможет. Для врачей, санитаров и медсестер ты обычный псих. И даже мне потребуется какое-то время, чтобы вытащить тебя оттуда. Ты это понимаешь? Я не могу просто так позвонить заведующей клиникой и сказать: «Добрый день, любезная фрау Зенгер. Мы вас разыграли. Это была шутка. Знаете, Патрик Винтер из камеры такой-то просто симулирует. Никакой он не математик, а обыкновенный пожарный. Выпустите его, пожалуйста, и побыстрее».

Тут Скания запнулся, поскольку машина скорой помощи заметно сбавила скорость. Взгляд Оливера наполнился состраданием, и он заявил:

– Однако выше нос! Клянусь, что весь мир переверну вверх дном, если ты отправишь сигнал бедствия.

Тилль поблагодарил его, а затем спросил:

– А как мне попасть в библиотеку? Вряд ли она окажется доступной для всех.

– Это как раз одна из тысячи проблем, какие тебе придется решать самому. Ты лучше спроси себя, каким образом попасть в камеру Трамница и завоевать его доверие. И как тебе обуздать свой порыв, чтобы не раскрыть ему череп уже при первой встрече.

В этот момент машина скорой помощи остановилась, и водитель постучал по перегородке, отделявшей кабину от отсека для пациентов.

– Мне пора выходить, – заявил Скания. – Я не могу последовать с вами на паром.

– На паром? – занервничал Тилль, так как считал, что к клинике подходит обыкновенная дорога.

– Подъезды к объекту подмыло водой, – пояснил Оливер. – Дождь усиливается, и у персонала возникли проблемы, связанные с начавшимся наводнением. Уже только поэтому тебе не следует задерживаться там слишком долго.

Скания дружески потрепал Тилля по плечу и сказал:

– Дружище! Я знаю, что это не мое дело, но твое мужество меня восхищает. Правда. Скажи, ты на самом деле считаешь, что это того стоит? Тебя ведь поджидает немало опасностей. Риск очень велик.

В ответ Тилль проглотил подступивший к горлу ком и, тяжело вздохнув, не узнавая свой собственный голос, проговорил:

– Я потерял в жизни самое главное. Чего мне теперь бояться?

Капли дождя грохотали по крыше машины скорой помощи, словно град, и Скания умолк. Он не проронил больше ни слова до тех пор, пока новый стук не напомнил ему, что надо спешить. Тогда Оливер тяжело поднялся и направился к двери. Затем полицейский остановился и, покопавшись в кармане брюк, вынул белую таблетку.

Поколебавшись немного, Скания обернулся, протянул ее Тиллю и произнес:

– На вот, держи!

– Что это?

– Это тебя выключит. Сейчас, как мне кажется, твое поведение слишком спокойно и рационально. Твоя сумасшедшая затея осуществится гораздо лучше, если ты поступишь к ним без сознания. Так будет правдоподобнее. Не забывай, что официально кожа твоей головы хоть и не очень сильно, но все же обожжена, Тилль.

– Патрик, – поправил шурина Беркхофф и, потрогав голову, добавил: – Отныне меня зовут Патрик Винтер. А за таблетку спасибо, но не надо. Я придумал гораздо лучший план, чтобы сразу же по прибытии оставить о себе незабываемое первое впечатление.

Глава 13

Рикарда Беркхофф

Рикарда Беркхофф пребывала в таком отчаянии, что даже не чувствовала запаха дешевого фритюра, исходившего, казалось, из каждой поры ее собеседника.

Еще какой-то год назад она посмеивалась над наивными женщинами, позволявшими безнравственным обманщикам выуживать деньги из их карманов.

«Сами виноваты, если настолько глупы», – думала Рикарда.

И вот теперь она сама сидела у прорицателя, хотя, точнее сказать, не сидела, а стояла. Ведь Гедеон Шульц в своей практике не использовал ни стульев, ни столов, что не в последнюю очередь было связано с тем, что свои сеансы он проводил на товарном складе сети забегаловок, где этот «ясновидящий» и работал.

– В принципе, я этим больше не занимаюсь, – заявил Гедеон, повторив то, что уже говорил ей по телефону.

Он выглядел моложе, чем можно было предположить, слушая только его голос. Перед Рикардой стоял мужчина, выглядевший как подросток. Такой вид придавал ему красный прыщ возле верхней губы, над которой только-только начал пробиваться пушок. При этом период полового созревания у него должен был закончиться как минимум лет двадцать назад.

– Это доставило мне одни только неприятности, – добавил Шульц, сняв с головы нелепый картонный колпак, какой руководство этой гигантской сети экспресс-

кафе заставляло носить каждого своего сотрудника.

Об этом ясновидце Рикарда узнала из газетной статьи, в которой говорилось о некоем продавце картошки фри, якобы обладающем сверхъестественными способностями. В свободное от работы время он помогал своим сослуживцам устанавливать контакт с исчезнувшими людьми. В этой же газете сообщалось о том, что случайно или нет, но с его помощью полиции удалось найти пропавшую девушку.

Гедеон взял две картонные коробки, в которых были упакованы бургеры, водрузил одну на другую и предложил Рикарде присесть на них. Но она отказалась.

- К сожалению, ничего другого предложить вам не могу, - извинился Шульц.

Некоторое время сеть быстрого питания пользовалась плодами бесплатной рекламы в прессе, и Гедеону в благодарность даже выделили часть комнаты отдыха сотрудников для его практик. Однако, когда к нему повалили толпы разных чокнутых людей с требованиями предсказать выигрышные номера в предстоящих лотереях и другими подобными просьбами, руководство пересмотрело свое первоначальное решение. Сейчас ему позволялось встречаться с клиентами только на складе, и то в исключительных случаях.

- Вы принесли то, что я просил?

В ответ она протянула ему фотографию Макса. Ту, которую ее сын когда-то держал в руках и которая еще не оказалась засвеченной в средствах массовой информации. Рикарда извлекла фото из коллажа, сделанного Максом в первом классе на День благодарения, и это была одна из тех немногих фотографий, где обычно задумчивый мальчик улыбался.

- Вы потеряли не только своего сына, - изрек Гедеон, взглянув на фотографию, на обратной стороне которой виднелись остатки клея.

- Что вы имеете в виду?

- Вы потеряли и своего мужа. Его больше нет с вами. Правильно?

– Откуда... – начала было она, но потом прикусила язык. – Прошу прощения, но это похоже на то, что делают маги. Вы не раскроете мне секрет, как вам это удастся?

Гедеон смущенно улыбнулся, а когда заговорил, его голос зазвучал столь тихо, что Рикарде пришлось сосредоточить все свое внимание, чтобы разобрать произносимые им слова, тонувшие в шуме дождя, барабанившего по покрытой кровельным железом крыше склада.

– Ничего хитрого здесь нет, и магия тут ни при чем, – заявил он, кивком указав на ее руки. – Вы не носите больше обручальное кольцо, а углубление на безымянном пальце показывает мне, что сняли вы его совсем недавно.

– А что вы еще видите?

– Вы только недавно прекратили кормить грудью.

– Об этом тоже говорит вам мое тело?

При этом Рикарда непроизвольно скрестила руки на груди, словно пытаюсь закрыться от его всевидящего взгляда.

– Скорее ваш бюстгальтер, который стал вам великоват из-за того, что вы похудели на один размер.

Рикарда согласно кивнула. Вообще-то, она привыкла следить за своей внешностью и сегодня долго размышляла над тем, что ей стоит надеть по предстоящему случаю, хотя в ее ситуации то, как она выглядит, имело наименьшее значение. Но что поделаешь, если внимание общественности, как правило, обращается именно на внешний облик человека? Причем в ее случае мнение окружающих могло распределиться примерно так:

– Она одета опрятно и хорошо питается. Разве исчезновение ее мальчика не повлияло на ее аппетит?

– Она выглядит похудевшей, по-настоящему убитой горем. Неужели у нее не осталось больше места для материнской любви?

– Глянь-ка! Платьице простенькое, зато новенькое. И как только в ее положении можно думать о покупках?

– Почему она носит такие старые вещи? Беспутная! Возможно, от такой мамы при подобном ведении домашнего хозяйства ребенок просто сбежал?

В общем, что бы она ни надела, ее все равно бы подвергли критике. Конечно, Рикарда могла бы и не обращать внимания на мнение толпы, но именно люди из этой толпы могли что-то знать о ее маленьком сыне Максе. Даже сейчас, когда его уже перестали искать.

Особенно сейчас!

Тем не менее почему-то Рикарда была уверена, что даже ее сегодняшний бесхитрый наряд при отсутствии макияжа с применением только бесцветной помады, в сочетании с заплетенными в косу густыми волосами, все равно вызовет у этих людей недовольство.

– Я вижу, что нервы у вас на пределе, – продолжал между тем говорить Гедеон.

– Иначе было бы странно, – горько заметила она.

– И приходится признать, что ваша нервозность вызвана не только недоверием мне. Вы стоите перед выбором.

– Простите, не поняла.

– Вы должны принять решение.

– Какое?

– Стоит ли вам тратить здесь свое время, или лучше уйти прямо сейчас, причем желательно через другую дверь.

Рикарда с удивлением уставилась на Гедеона и только сейчас обнаружила у него легкое косоглазие.

- Не поняла.

- У нас два выхода. Вот тот, что сзади, идет через фабрику-кухню.

С этими словами Гедеон указал на отделанную дешевым ламинатом дверь из ДСП, находившуюся в другом конце склада. Рядом с ней располагались стальные полки, на которых стояли белые ведра. Эти емкости выглядели так, как будто их наполнили химикатами, к которым с полным правом можно было отнести содержащийся в них майонез.

- Я бы на вашем месте выбрал именно ее, а не раздвижную дверь, которая выходит на парковку.

- Как так? - удивилась Рикарда. - Зачем мне уходить? Вы же мне еще совсем ничего не сказали.

- Все дело в вас. Я и так узнал слишком много, и на этом, как мне кажется, нашу встречу лучше завершить.

Рикарда издала возглас удивления, который больше походил на кашель. Она предполагала, что сеанс может оказаться весьма странным, но только не то, что он закончится вот так.

- Но почему?

- Потому что я чувствую, что вы не честны.

- Что вы чувствуете?

Гедеон провел рукой по лицу, поправил прядь волос и сказал:

- Теперь мы говорим о вещах, которые я не могу объяснить. Я их просто чувствую.

- И что же вы чувствуете?

- То, что вы пришли не одна, и кто-то ждет вас снаружи.

- Кто?

- Тот, кто должен вам деньги.

Рикарда в недоумении рассмеялась.

- Если бы я знала кого-то, кто должен мне деньги, то поверьте, давно бы уже их взыскала.

- Понимаю, - кивнул он в ответ. - Такое расставание стоит кучу денег. Новая квартира, новая одежда...

Рикарда почувствовала, как стала покрываться краской. Тилль всегда поддразнивал ее, утверждая, что эмоции его жены можно считывать по ее мимике, как субтитры в фильме.

- Даже если вы и получаете алименты, то в переходный период все равно можно хорошо подзаработать, - заявил Гедеон. - Если я не ошибаюсь, то эксклюзивные интервью в средствах массовой информации хорошо оплачиваются. Особенно в таком духе, как «Отчаявшаяся мать консультируется у прорицателя».

- У меня пропал ребенок, вы, глупый засранец! - вырвалось у Рикарды.

С этими словами она выхватила фотографию из его руки и больше для себя, чем для этого шарлатана, зашипела:

- Ты настоящий идиот!

Оскорбленная женщина неловко попыталась открыть свою сумочку, продолжая изрыгать проклятия:

- Стоило только ехать сюда, чтобы встретиться с чокнутым, который не только оскорбит, но еще и унизит!

Наконец она засунула фотографию в карман своего пальто и собралась уходить. В раздвижных воротах, через которые они входили, имелась дверь, но с ее отпирающим механизмом, так же как чуть раньше со своей сумочкой, ей никак не удавалось справиться. Немного поостыв, Рикарда обернулась, глубоко вздохнула и спросила:

- Как вы посмели сказать подобное мне прямо в лицо?

- Я не люблю, когда меня попросту используют, - холодно ответил Гедеон.

- Какое право вы имеете топтать чувства несчастной матери? Да еще столь снисходительным тоном?

Наконец она вспомнила, что Гедеон, чтобы открыть дверь, предварительно поворачивал ручку наверх. Рикарда попыталась это сделать, но, несмотря на все ее старания, у нее ничего не получилось - ручка не двигалась.

- Вы что, меня заперли? - обернувшись, спросила она.

По мере того как женщина распалась, Гедеон, казалось, становился все более спокойным. Он улыбнулся столь же любезно, как при встрече, и произнес:

- Не волнуйтесь! Когда вы успокоитесь и выслушаете мои извинения, я дам вам уйти.

- Извинения?

Ситуация становилась все более странной.

- Да. Мне очень жаль, - заявил Гедеон и завершил свой второй разворот на сто восемьдесят градусов. - Но так должно было произойти.

- Что должно было произойти?

- Мне нужны были ваши истинные чувства, ваши подлинные эмоции. Вам необходимо было снять маску, с которой вы сюда пришли.

«Он что, издевается надо мной?» – подумала она.

Рикарда постаралась взять себя в руки и с достоинством произнесла:

– Я не ношу никакой маски.

– О! Не скажите! Все носят маски. Ведь без этой брони мы оказались бы беззащитными перед теми ударами, что преподносит нам жизнь. Вот вы, например, сначала постарались обратить мое внимание на отсутствие у вас обручального кольца, подсознательно прикрывая палец, на котором его носят, рукой. Вам было неловко, что ваш брак уже практически распался.

В ответ Рикарда только презрительно махнула рукой и еще раз потребовала, чтобы он ее выпустил. Однако Гедеон, не обращая на нее внимания, продолжал что-то объяснять, но это женщину больше не интересовало.

– Есть мнение, что люди показывают свое истинное «Я», когда пьяны. Поскольку мы не продаем алкоголь, то мне пришлось вывести вас из себя, так как, по моему опыту, в гневе человек тоже раскрывается и позволяет увидеть главное.

Но Рикарда только отмахнулась:

– На сегодня глупостей хватит. Я хочу уйти.

Все это было ошибкой.

Тогда Гедеон кивнул и сказал:

– Мне понятны причины того, что вы себе все это именно так и представляете. Подобным образом заканчивалось большинство моих первых встреч в начале будущих сеансов.

«Если ты начинаешь их именно так, то ничего удивительного в этом нет», – подумала она.

– Теперь, когда мы познакомились, подумайте над моими словами, и если захотите продолжать, то вы знаете, где меня найти, – заявил Гедеон.

«Да уж, теперь точно знаю», – пронеслось в голове у Рикарды.

Тут он снова указал на вторую дверь, и на этот раз она выбрала выход между стеллажами, который, по крайней мере, открывался без всякого сопротивления.

«Прочь отсюда!» – мысленно подбодрила себя Рикарда.

Открыв дверь, она оказалась в коридоре, который вел на кухню, где трое сотрудников в глупых униформах раскладывали формованные изделия из мясного фарша на прессованные булочки. Они не обратили на нее ни малейшего внимания, и Рикарда, проследовав мимо фритюрницы, поспешила в раскрашенный яркими красками общий зал.

«Прочь! Прочь отсюда!» – подгоняла себя Рикарда.

Она вышла из закуской и быстро направилась к тому месту, где припарковала свою машину. Возле бордюрного камня образовалась огромная лужа, и ей пришлось прошлепать прямо по ней. Пока Рикарда открывала свою чертову дамскую сумочку, волосы на ее голове окончательно промокли. Ключи никак не находились, и когда наконец она их достала, то чувствовала себя так, словно приняла душ прямо в одежде.

Вконец обессилив, Рикарда буквально рухнула на водительское сиденье, уткнулась головой в руль и закрыла глаза.

«Эксклюзивные интервью в средствах массовой информации хорошо оплачиваются», – никак не выходили из ее головы слова Гедеона.

– Каков засранец! – в сердцах воскликнула она.

В этот момент кто-то постучал по боковому стеклу ее машины. Она выпрямилась и увидела взволнованное лицо мужчины, которому по возрасту явно не подходила стильная бородка, какую носили поклонники джаза, и кольцо в носу. К тому же на нем была совершенно неподходящая для такой погоды и мокрая насквозь шерстяная шапочка.

– Что случилось? – поинтересовался он.

– Мне очень жаль, – проговорила Рикарда.

– Мы ждали вас на заднем выходе.

Она понимающе кивнула и, мысленно ругая себя на чем свет стоит, ответила:

– Знаю, но я просто не смогла.

С этими словами Рикарда вновь закрыла окно, запустила двигатель и тронулась с места, оставив руководителя телевизионной команды стоять под проливным дождем.

Глава 14

Тилль

На территории клиники

«Пришла моя смерть!»

Именно такая мысль посетила его, когда он почувствовал себя словно в тисках. Эти тиски безжалостно давили на него, и ему было холодно. Они выдавливали из него любое воспоминание о тепле, любви и собственной безопасности, обрекая на провал малейшую попытку вырваться из этих тисков.

У Тилля возникло чувство, будто бы его похоронили под снежной лавиной, и он попытался выбраться на поверхность своего сознания, чтобы вновь оказаться в окружавшем его грубом мире, двигая при этом грудью, ногами и руками. Однако его не оставляло ощущение, будто бы ему приходится плыть в жидкости, по плотности напоминавшей ртуть.

В то же время какая-то часть рассудка подсказывала ему, что все это являлось лишь проявлением побочных эффектов того снадобья, с помощью которого его успокоили при поступлении в «Каменную клинику».

«Сразу после того, когда я окончательно свихнулся», – вспомнил Тилль.

Первым его воспоминанием было то, как он стоял, подняв руки в позе сдающегося в плен солдата, в полуоткрытой трубе стеклянного сканера, напоминавшего саркофаг. Лишенные ремня брюки медленно, но неуклонно скользили вниз по его худым бедрам, и ему стало нехорошо: сказались пережитое волнение и статичная поза при перевозке.

– Вы можете пройти дальше, – вспомнился ему слышавшийся из вмонтированных в потолок динамиков звучный безэмоциональный голос после окончания дискретного сканирования.

Тилль понятия не имел, в какую именно часть комплекса зданий клиники его доставили, однако предполагал, что машина скорой помощи остановилась в подземном гараже. Это был подвал, первоначально предназначавшийся для нужд кухонного блока отеля, а затем переоборудованный в приемный покой.

Тилля провели по направлению стрелки, намалеванной на полу из серого антисептического пластика, до шлюза, напоминавшего внутренний отсек корабля и снабженного видеокамерой на голом потолке. Видимо, поэтому при ходьбе у него возникло такое же ощущение качки, как во время движения машины скорой помощи на пароме, доставившем их в «Каменку».

За шлюзом его ожидали два крепкого телосложения санитара, один внешний вид которых говорил о том, что они легко справятся с любым накачанным мышцами человеком, не говоря уже о таком хилом пациенте, как Тилль. Они дружелюбно улыбались, но их взгляд явно советовал ему не делать глупостей.

– Добрый день, господин Винтер, – произнес выглядевший постарше санитар, что, возможно, объяснялось его короткими, по-военному строго остриженными седыми волосами.

Тилль вспомнил, как он внутренне напрягся, услышав, что его назвали Винтером. Эта новая фамилия звучала непривычно и как-то негативно, словно

подсознательный укор.

– Мы вынуждены попросить вас вынуть все из карманов ваших брюк, – сказал другой санитар, чья кожа была заметно темнее.

Он говорил таким же дружелюбным тоном, каким обращается к пассажирам персонал в аэропорту. Тем не менее этот человек ни на секунду не выпускал Тилля из виду. Беркхофф послушно повиновался, положил в приготовленную пластиковую миску пачку жевательной резинки, смятый носовой платок и скомканную упаковку «Аспирин плюс С». Затем он осмотрелся.

Здесь, внизу, помещения походили на катакомбы, какие обычно располагаются под зданиями аэропортов, больниц и даже современных отелей. Их было так много, что в них можно легко заблудиться. И они были такими узкими, что у Тилля невольно учащенно забилось сердце.

Справа и слева от него уходили вдаль казавшиеся бесконечными ярко освещенные, окрашенные в белый цвет бетонные коридоры, снабженные на определенном расстоянии друг от друга доходившими до потолка решетчатыми перегородками с дверями. Шансов убежать отсюда не было никаких, но он и не собирался этого делать. Наоборот!

Тилль указал на шлюз, из которого вышел, и спросил:

– Сканер тела работает с применением технологии, основанной на терагерцевых частотах, верно?

Кое-какие знания об этом он почерпнул на телеканале «Discovery» из передачи, рассказывавшей о технике безопасности в аэропорту Франкфурта.

– Почему вас это интересует? – насторожился седовласый санитар, во взгляде которого вместо дружелюбия стала читаться тревога.

– Это означает, что вы можете видеть только то, что я ношу на теле, – как ни в чем не бывало продолжил Тилль. – Но вы не можете заглянуть внутрь его, верно?

Вместо ответа, темнокожий санитар потянулся к рации, висевшей у него на поясе. Тилль не заметил какого-либо оружия у обоих сопровождавших его служащих, что, в общем-то, в немецких психиатрических больницах было не принято.

– Значит, вы понятия не имеете, что находится в моем желудке, не так ли? – продолжал гнуть свою линию Тилль.

– О чем, черт возьми, вы говорите?

– Два часа назад я проглотил чувствительную к кислоте капсулу. По моим расчетам, менее чем через пять минут желудочная кислота разъест ее оболочку, и тогда это начнется.

– Что начнется? – одновременно воскликнули оба санитары.

– В моем желудке спрятана бомба! Я взорвусь! – закричал он и бросился бежать.

Этот ответ Тилля в сочетании с нарочитой попыткой побега и обеспечил ему укол шприца со снотворным – уже через пару мгновений он оказался лежащим на полу.

Теперь Тилль снова очнулся и спросил себя, не переборщили ли санитары с дозой снотворного, так как собрался преодолеть последнее препятствие, отделявшее его от цели. У него и так все последние дни проходили, словно он смотрел американский фантастический фильм «Супер-8» на плохо освещенном экране.

Единственным моментом, свидетельствовавшим о том, что он не умер, являлся свет. Но он был не таким, на какой хочется бежать, а наоборот, вызывающим стремление удрать.

Здесь все было розовым. Цвет в пастельных тонах казался ярким и всепроникающим. Именно такое сравнение пришло ему на ум, когда он открыл глаза. В комнате действительно все было розовым – и стены, и потолок, и пол, и плинтусы, и даже лампа. Исключение составлял лишь неуклюжий стальной унитаз рядом с раковиной для рук. Увидев это приспособление для мытья, Тилль

понял, куда его поместили и что он все еще жив.

«Отлично, первое препятствие преодолено успешно», – подумал он.

Тилль закрыл глаза и через две секунды снова открыл их, но он не исключал, что могло пройти и два часа, а может быть, и два дня. В любом случае Беркхофф в комнате был уже не одинок. Один только этот факт успокаивал, ведь, в конце концов, он был еще жив и успешно прошел первый этап намеченного им плана.

Тем не менее Тилль почувствовал опасное раздражение при виде человека рядом со своей кроватью, который показался ему странно знакомым. При этом узнаваемыми казались не черты его лица или манера стоять, а что-то совсем другое. И это что-то его сильно беспокоило, поскольку напомнило самого себя – глаза мужчины горели ненавистью.

Этот некто смотрел на него так же, как поглядел бы сам Тилль на убийцу своего сына, если бы ему удалось с ним встретиться.

Глава 15

– Как вы себя чувствуете, господин Винтер? – спросил мужчина странным голосом.

Этот голос звучал так, словно хотел сбежать от своего хозяина. Он был скрипучим и одновременно ломким, но в то же время чересчур низким, что никак не подходило к худощавому, можно даже сказать, долговязому мужчине с лицом как у ворона, с глубоко посаженными глазами, впалыми щеками и заостренным, изогнутым носом, словно крючок для одежды.

Человек показался Тиллю таким же инородным телом, к которому теперь следовало привыкать, как и к тому имени, с которым он к нему обратился.

– Кто вы? – поинтересовался Беркхофф.

Мужчина представился главным врачом третьего отделения доктором Мартеном Касовом, но разъяснять, чем это отделение отличалось от двух других, не стал. Остался в неведении Тилль также и в том, в каких должностных отношениях состоял этот человек с профессоршей фрау Теа Зенгер, которая, по словам Скании, являлась руководителем клиники.

- Что вы мне дали? - спросил Тилль, ощупывая свою голову и пытаясь вытянуться на узких и тоже окрашенных в розовый цвет нарах.

Затем он втиснулся в серый, как мышь, спортивный костюм, который оказался ему несколько коротковат. Беркхофф понял, что за то время, пока он был без сознания, его помыли. Исчезла также повязка, и теперь на обритой наголо голове осталось только несколько пластырей. Зато на ноги ему натянули полосатые носки с резиновыми накладками.

- Флунитразепам, - ответил Касов.

Тилль осторожно кивнул, поскольку у него возникло ощущение, будто бы голова оказалась наполненной горячей, неприятно обжигающей жидкостью, которая при резком движении могла перелиться из нее, как суп через края тарелки. Он почувствовал головокружение, и ему стало плохо. Было также непонятно, являлось ли это обычными побочными явлениями подобного средства, которое вывело его из строя.

- Почему я все еще жив? - спросил он, вспомнив о том, что утверждал, будто бы проглотил бомбу.

- А почему вы не хотите жить? - вопросом на вопрос ответил Касов и стал оглядывать камеру.

При этом он смотрел так, как будто в этой розовой клетке могло находиться еще что-то, кроме отсутствовавших окон, недостающих дверных ручек и просматривавшегося со всех сторон туалета.

Тилль сильно удивился тому, что врач лично пришел к нему, а не общается с ним через видеокамеру в потолке или глазок бронированной двери. А еще его поразил маленький блокнот, который Касов, не отводя взгляда от подопечного, вытащил из нагрудного кармана своего пиджака.

Доктор открыл блокнот и повернул его так, чтобы Тилль смог прочитать заранее подготовленное для него сообщение.

- Вы знаете, где находитесь? - спросил его Касов.

Но Тилль был уже не в состоянии дать вразумительный ответ, ведь те несколько слов, которые оказались нацарапанными в блокноте доктора, повергли его в настоящее шоковое ошеломление. Там заглавными буквами было начертано:

«НЕ СМОТРИ НА КАМЕРУ НА ПОТОЛКЕ!»

Первой непроизвольной реакцией Тилля явилось желание сделать прямо противоположное тому, что запретил ему Касов. Однако врач быстро перевернул страницу в своем блокноте и показал Беркхоффу другую запись, которая гласила:

«Я ЗНАЮ, КТО ТЫ!»

- Это наша комната интенсивного кризисного вмешательства[3 - Кризисное вмешательство (или интервенция) - скорая психологическая помощь лицам, находящимся в состоянии кризиса.], - продолжая источать неподходящую для этого момента улыбку, ответил Касов на свой же чуть ранее поставленный вопрос. - Однако не будем сыпать непонятными непосвященному терминами.

Он немного помолчал, а потом заявил:

- Современные психиатрические лечебницы имеют хотя бы две такие комнаты на случай, если потребуются одновременно изолировать несколько агрессивных пациентов. У нас их три.

Поскольку Касов стоял прямо перед Тиллем, спиной к двери, а следовательно, и к камере слежения, снаружи никто не мог видеть, каким образом врач с ним общался. У того, кто позже стал бы просматривать запись видеонаблюдения, однозначно сложилось бы впечатление, что происходит обычное в таких случаях знакомство с пациентом.

– Потолки и стены здесь окрашены в розовый цвет, потому что соответствующие исследования показали, что он оказывает успокаивающее воздействие на людей, – продолжил Касов, по-прежнему держа блокнот возле груди.

Он открыл следующую страничку, на которой тоже оказалась заранее сделанная врачом запись. На этот раз там стояло одно-единственное слово, от которого Тилля неприятно бросило в жар:

«СИМУЛЯНТ!!!»

Беркхофф заморгал и непроизвольно провел рукой по лбу, пытаясь вытереть несуществующие капельки пота. Он едва подавил в себе желание ощупать голову, ведь подозрение врача могло быть вызвано отсутствием на ней травм от ожогов. Тилль лихорадочно принялся размышлять над тем, стоит ли ему встать и вырвать из рук врача его блокнот, как вдруг Касов продемонстрировал новую запись:

«ОДНО НЕВЕРНОЕ СЛОВО, И Я ТЕБЯ УНИЧТОЖУ!»

– А вас этот цвет успокаивает? – как бы продолжая начатый разговор, произнес Касов, одновременно добавив к последней записи еще три восклицательных знака.

– Не понял? – нервно сглотнув, переспросил Тилль, окончательно сбитый с толку странным поведением врача.

– Я имею в виду розовый цвет.

– Мне больше нравится черный, – немного помолчав, ответил Беркхофф, глядя в голубые со стальным оттенком настороженные глаза собеседника. – Это соответствует моим взглядам на жизнь.

– Понимаю, – ответил Касов.

С этими словами он убрал свой блокнот.

– Мне надо идти дальше, и я очень рад некоторому улучшению вашего самочувствия, господин Винтер, – заявил Касов.

– Я... Я плохо знаю здешние правила... Можно ли мне позвонить?

В ответ доктор одарил его делано насмешливым взглядом, как бы говоря: «Ну, что ж, попытайтесь». Затем он повернулся к Тиллю спиной, что тоже показалось довольно странным и на удивление отважным, поскольку врач только что угрожал ему.

Но еще более странным оказался тот факт, что при уходе профессор Мартен Касов не запер за собой дверь. Она оказалась открытой настежь, давая выход из комнаты.

Подсознательно Тилль понимал, что здесь что-то не так, и его внутренний голос буквально кричал, чтобы он этого не делал, но противостоять соблазну воспользоваться открытой дверью он не смог. Это было подобно тому, как если бы перед жаждущим поставили бутылку с водой. Он все равно схватил бы ее и не стал обращать внимание на цвет жидкости, какой бы коричневой она ни казалась.

Обуреваемый противоречивыми мыслями, Тилль двинулся к двери. Он шел шаркающей походкой, медленно, метр за метром, преодолевая отделявшее от нее расстояние.

А потом Беркхофф вышел из розовой комнаты изолятора, оказавшись в чуждом и пугающем мире «Каменной клиники».

Глава 16

Трамниц

Маленький мальчик мчался так, как никогда раньше не бегал. И такой прыти трудно было ожидать от того, кому всего-то исполнилось семь с половиной лет.

Семь с половиной лет, прожитых им в своей грязной и убогой жизни. К тому же тоненькие и не особо длинные детские ножки у него словно онемели. Можно даже сказать, атрофировались. Но другого ожидать и не приходилось. Ведь он целыми днями не мог вытянуться во весь рост.

Тем не менее нестерпимый зуд в бедрах имел и свои преимущества, поскольку заглушал боль, возникавшую в голых ногах мальчика, когда он наступал на ветку, камень или еловую шишку.

К счастью, только что прошел дождь, и лесная почва стала немного мягче. В разгар лета при таком рывке в неизвестность он наверняка давно бы поранился, получив многочисленные порезы.

Было темно, и облака висели очень низко. Словно «понос по утрам», как говаривал его отец, не объясняя толком, что именно имел в виду.

Мальчик свернул вправо на слабо просматривавшуюся тропинку, какой в хорошую погоду наверняка пользовались велосипедисты, катавшие здесь на своих горных велосипедах и стремившихся оказаться на Тойфельсберге[4 - Тойфельсберг в переводе означает «Чертова гора». Это 114-метровый холм в берлинском районе Груневальд.]. При этом он потерял равновесие, споткнувшись о корень, который громко треснул под его весом. Ногу пронзила боль, как будто мальчик попал в капкан. При падении он непроизвольно попытался смягчить удар рукой, но это принесло лишь дополнительную и не менее резкую боль, пронзившую всю конечность от запястья до плеча.

– Проклятье! – воскликнул мальчуган, но не заплакал, поскольку очень хорошо усвоил уроки, преподанные ему внизу, в подвале.

И те уроки не шли ни в какое сравнение с той слабой болью, которую он почувствовал при этом смешном падении в темноте.

Он ни за что не стал бы плакать, как бы больно ему ни было. «Мальчики не плачут». Разве не так называлась любимая песня его отца?

– Проклятье! Проклятье! Проклятье! – повторял он.

– Так выражаться нельзя! – внезапно послышался голос прямо позади него.

Этот голос сопровождался звонкой затрещиной, от которой мальчик снова упал. И тогда, осознав, что побег вновь не удался и отец опять догнал его, он уже не смог сдержать слез.

Не прошло и десяти минут, как они снова были дома. Их дом располагался на опушке леса в таком районе, какой семья вряд ли могла бы себе позволить, если бы папа не получил работу сторожа в хоккейном клубе. В качестве оплаты ему предоставили право на проживание в маленьком домике, стоявшем за игровыми площадками.

– Мы еще немного потренируемся, – сказал папа, когда они вошли, с головы до ног покрытые потом и грязью.

Однако мама их даже не слышала. Она скрутила себе сигаретку и, как загипнотизированная, уставилась на экран телевизора, где шло очередное порно. Мама постоянно приносила новые кассеты из видеотеки, поскольку папа терпеть не мог, придя домой с работы, смотреть фильм, который он уже видел.

– Ну, давай же, – стоя перед «Трикси», проговорил отец, когда они спустились в подвал.

Мальчик понятия не имел, почему папа дал этой штуковине именно это имя. Оно звучало слишком ласково для того, что на самом деле представляло собой такое творение, – деревянный ящик, наполненный страхом.

– Ну, лезь же!

Мальчуган колебался недолго, ведь в последний раз, когда он отказался лезть в инкубатор, папа сломал ему нос и в течение месяца не позволял ходить в школу. На этот раз наказание, безусловно, было бы гораздо суровее, ведь он попытался убежать из дому. Поэтому сынишка неуклюже (после падения чертова нога все еще адски болела), опираясь на деревянную ступеньку, вскарабкался на верстак, на котором находилась напоминавшая детский саркофаг «Трикси». Как только он лег на разрезанное полотенце, служившее единственным «матрацем» в ящике, папа закрыл крышку и немного присел, чтобы побеседовать с ним через одно из двух окошек из оргстекла, проделанных на боковой стенке и

позволявших просунуть в них руку.

- Почему ты сбежал? - поинтересовался отец.

Папа обладал хорошим чутьем и всегда знал, когда сынишка его обманывал. Поэтому малышу лучше было говорить правду.

- Потому что я боюсь, папа, - заикаясь от страха, ответил он.

Возникла пауза. Отец довольно долго молчал, а потом изрек:

- Понимаю. Помнишь, я говорил тебе, чего ни в коем случае нельзя совершать, если тебя одолевает страх?

- Помню. Убегать.

Отец согласно прищелкнул языком и заметил:

- Совершенно верно. Ты должен противостоять самому сильному твоему страху. Смотреть ему прямо в лицо. Это называется «проявлять выдержку перед боязнью».

Мальчик в инкубаторе закрыл глаза, собрал воедино все свое мужество и сказал:

- Я... я не думаю, что это будет лучше, папа. Мой страх... Он будет здесь внутри только увеличиваться.

- Да? Ты так считаешь?

- Я бы лучше...

- Что?

- Поиграл с Томасом и Алексом, моими друзьями. Там, на улице.

Отец немного помолчал, а потом сказал:

– Гм. А я думал, ты хочешь зверушку.

Мальчик снова открыл глаза и попытался через одно из двух круглых отверстий, закрытых оргстеклом, взглянуть на папу, но, кроме пыльного пола подвала и банки лака рядом с садовым инвентарем, ничего не увидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Груневальд – административный район на западе германской столицы в составе округа Шарлоттенбург-Вильмерсдорф, получивший свое название по одноименному лесному массиву. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Швейцарский квартал расположен в западной части района Лихтерфельде, относящегося к шестому административному округу Берлина Штеглиц-Целендорф.

3

Кризисное вмешательство (или интервенция) – скорая психологическая помощь лицам, находящимся в состоянии кризиса.

4

Тойфельсберг в переводе означает «Чертова гора». Это 114-метровый холм в берлинском районе Груневальд.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sebastyan-fitcek/pacient-osoboy-kliniki>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)